

Пелена «Никола Великорецкий» из Троицкого собора во Пскове: опыт новой атрибуции*

© 2025

УДК 27-526.1(470.25)"15"
ББК 85.12
Л64

Поступила в редакцию 05.11.2025

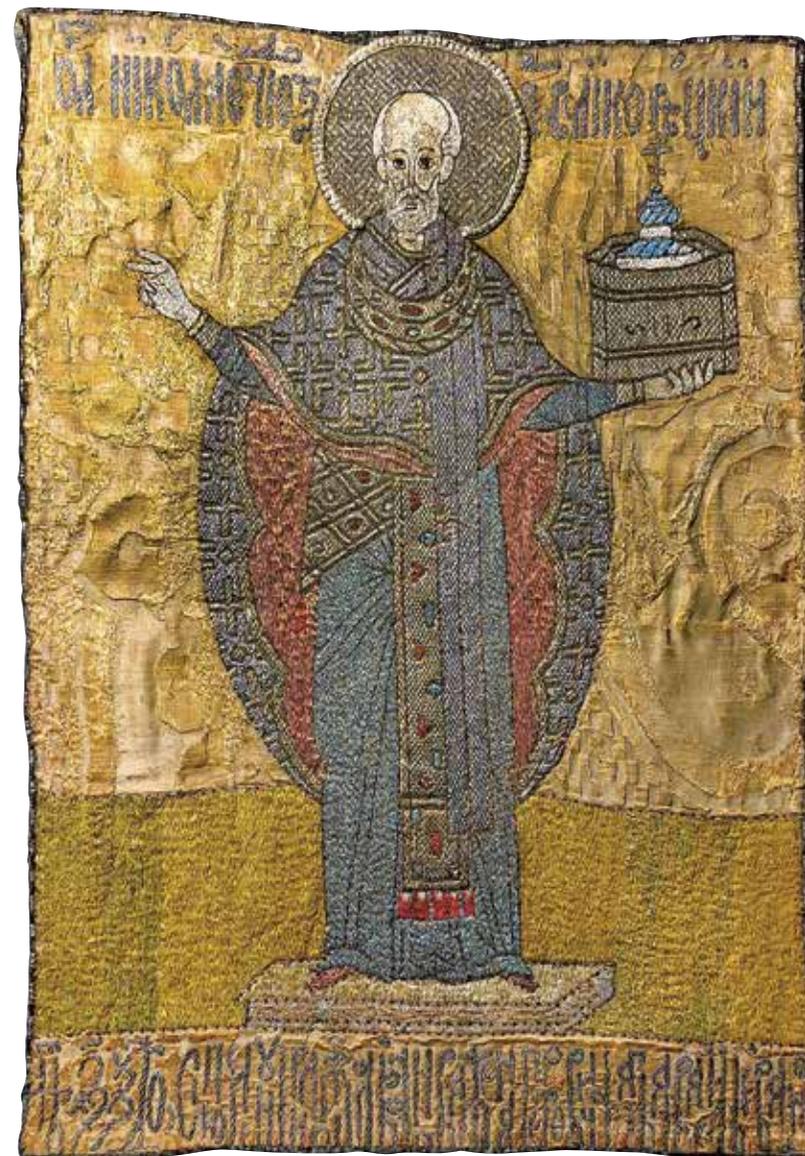
I.

В Государственном Русском музее хранится датированная шитая пелена середины XVI столетия с изображением святителя Николая Чудотворца¹. Она поступила сюда из Музея христианских древностей Императорской Академии художеств еще в конце XIX в. [Прохоров, 1879. С. 29. № 532], где оказалась, в свою очередь, благодаря усилиям В.А. Прохорова². Иконография этой пелены весьма необычна, точнее говоря, неожиданным оказывается сочетание именуемой надписи «ОА^Г НІКОЛАЄ ЧЮ^ДОТВОРЕ^Ц ВЕЛІКОРЪЦКІИ» и самой фигуры, вышитой по желтой камке. Святитель представлен с разведенными в стороны руками, причем персты его правой руки сложены в благословляющем жесте, а в левой руке он держит характерный «макет» города — одноглавый храм в окружении крепостных стен [ил. 1].

Пелена достаточно хорошо известна историкам искусства и специалистам по лицевому шитью³, однако в каком бы контексте она ни рассматривалась

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. Авторы выражают глубокую признательность О.В. Ключановой, Н.В. Пивоваровой и А.С. Преображенскому и А.В. Силкину, без чьей помощи эта работа не могла бы быть осуществлена.

- 1 ГРМ. Инв. ДРТ 40. 37.5 × 26.2 см. Исходный размер ткани, по предположению О.В. Ключановой, мог составлять 47 × 36 см [Ключанова, в печати].
- 2 Как установил Ю.А. Пятницкий, сначала пелена была выдана из Свято-Троицкого кафедрального собора Пскова в Петербург для копирования, однако после ходатайства Г.Г. Гагарина была оставлена за музеем [Пятницкий, 1997].
- 3 См.: [Шалина, 2005. С. 168 (ил. 3), 171; Иконы Вологды, 2007. С. 789; Петров, 2008. С. 124–126; Маханько, 2015 а. С. 41–43; Она же, 2018. С. 675; Манукян, 2022. С. 72–73]. Пелена дважды публиковалась в выставочных каталогах Русского музея [Лихачёва, 1980. С. 35. № 37; Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 190. № 76].

ил.1 Никола
Великорецкий
Пелена
1555/1556. ГРМ

исследователями, с ней оказывается связан целый ряд вопросов, до сих пор не получивших убедительного разрешения. Ключом к их разрешению, как кажется, могли бы стать новые данные о ее вкладнице.

Счастливым образом дошедший до нас фрагмент шелковой каймы — сохранилась лишь нижняя ее часть, а верхняя и боковые были срезаны, — содержит ряд необходимых для установления провенанса этого предмета сведений: дату вклада и полное именование вкладчика: «Лѣтъ 7064 [7064 = 1555/1556] сію пеленѣ приложіла Іванова жена Петровича Марья Васильева...» [ил. 2].

ил.2 Вкладная надпись на псковской пелене «Никола Великорецкий»

Последнее слово надписи частично обрезано, а потому может вызывать разночтения. По-видимому, это не что иное, как остатки словоформы «дочь» — с лигатурой «Д» и «Ч» и надстрочной «О»⁴. Однако какой бы ни была интерпретация того участка, на котором запись обрывается, она не имеет решающего значения для понимания предшествующего текста. Ни у кого не вызывает сомнений, что здесь, в полном соответствии с традицией, представлено именование вкладчицы по мужу и по отцу — перед нами некая Мария, дочь Василия и супруга Ивана Петровича.

Что же за историческое лицо скрывается за этим обозначением?

Долгое время идентификация вкладчицы этой пелены попросту отсутствовала⁵. Затем М.А. Маханько предположила, что «пелена была вышита... в семье потомственных наместников Пскова, князей Шуйских» [Маханько, 2018. С. 675]. Поскольку вклад дается не от семьи, а от вполне конкретного лица, следует полагать, что исследовательница имела в виду супругу князя Ивана Петровича Шуйского (†1588), княгиню Марию. Именно так эта атрибуция

- 4 Такого же чтения придерживалась и В.И. Антонова [Антонова, 1957. С. 384–385. Рис. 6]. Н.В. Пивоварова видела здесь слово «дано» [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 190], для которого, на наш взгляд, попросту не хватает графических элементов, и оно не очень удачно вписывается в известный нам формуляр вкладных надписей, связанных с шитьем. Позднее исследовательница пересмотрела свое решение и остановилась на прочтении «дочь» [Пивоварова, в печати]. Л.Д. Лихачёва с своим каталоге [Лихачёва, 1980. С. 35. № 37] эти последние графемы в надписи на пелене попросту не учитывает.
- 5 Ср. формулировку Н.В. Пивоваровой в каталоге 2006 г.: «К сожалению, краткость сведений о вкладчиках, содержащихся в надписи на пелене, не позволяет установить ее личность. Обрыв текста и современное состояние верхнего и боковых краев пелены, обработанных шнуром, свидетельствуют, что первоначально надпись обрамляла изображение святого Николая Чудотворца с четырех сторон» [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 190]. В работе А.М. Манукян [Манукян, 2022. С. 72] вкладчица пелены называется «Марией Васильевой, вероятно, жительницей Пскова».

и понималась в дальнейших исследованиях [Клюканова, в печати], однако эта версия, с одной стороны, требует целого ряда оговорок, а с другой — вызывает к жизни одно кардинальное возражение.

Начнем с оговорок. Сохранилось не так уж мало известий о вкладах этой княжеской четы, среди которых нет ни одного сообщения о том, что они сделались жертвователями какого бы то ни было образчика лицевого шитья, то есть, формулируя дело несколько иначе, подобный жест для этой пары пока не кажется привычным и характерным⁶.

В 1555/1556 г. Иван Петрович Шуйский лично еще никак не связан со Псковом — наместничество здесь он получит много лет спустя, в 70-е годы XVI в. Точной даты рождения князя источники не сохранили, но, по всей видимости, в середине 50-х гг. он был еще очень молод. Первые сообщения о какой бы то ни было его службе относятся к зиме 1562/1563 г., причем в ту пору он лишь один из детей боярских в свите государя, сопровождавшей его в Полоцк. Столь невысокий статус на фоне исключительной знатности Шуйских может объясняться разве только его юным возрастом — скорее всего, в ту пору он едва ли далеко шагнул за двадцатилетний рубеж, а то и не достиг его⁷. Соответственно, в 1555/1556 г. с большой вероятностью он был еще подростком и мог попросту не успеть вступить в брак, благо о времени его женитьбы источники ничего не сообщают.

Супруга Ивана Петровича и в самом деле звалась *Марией*, но ее отчество (равно как и происхождение) в источниках не указывается⁸. Соответственно,

- 6 В свидетельствах о вкладах И.П. Шуйского из материальных объектов упоминаются лишь книга Октоих, пожертвованная в Антониев-Сийский монастырь [Изьюмов, 1917. С. 8], и драгоценный кубок, отданный на помин души княгини Марьи в московский Чудов монастырь: «Тово ж дни [30 апреля 1586 г.] дал вкладу <...> князь Иван Петрович Шюскои по семье [т.е. жене] своеи по княгине Марье кубок серебрян пупчат двоичат, позолочен сверху и внутри, а наверх кубка стоит мужичок, писец немецкой бородат в шляпе, позолочен. Весу в кубке девять гривенок и тридцать шесть золотников. И за тот его вклад семью его княгиню Марью в большой в литеинои и в братцкой сенаник и в кормовые книги написали, и душу ее нам в заупокоиных молитвах поминати, и корм на братю на ее преставление ставити ежегод беспереводно февраля в 3 день на память Семиона Богоприемца и Анны Пророчицы» [Богатырёв, 1996. С. 44–45 (л. 38–39 об.)].
- 7 О.В. Клюканова, скорее разделяющая атрибуцию М.А. Маханько, отметила, что в интересующем нас году у И.П. Шуйского каких-либо дел и полномочий во Пскове не обнаруживается [Клюканова, в печати]. Она же отмечает и юный — на ту пору — возраст князя, впрочем, несколько завышая, на наш взгляд, его верхнюю границу.
- 8 См.: [Сахаров, 1851. С. 52; Шаблова, 2012. С. 115 (л. 147 об.)]. Судя по датам поминовения, зафиксированным в хозяйственных книгах московского Чудова, вкладной книге Кирилло-Белозерского и в кормовой книге Псково-Печерского монастырей, княгиня Мария Шуйская крещена была во имя св. Марии Египетской (память 1 апреля), а скончалась 3 февраля (Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1074. Л. 59 об.–60) [Апухтин, 1914. С. 14, 16; Богатырёв, 1996. С. 45 (л. 38 об.–39)]. Перед кончиной, которая, по некоторым сведениям произошла в 1581 г., она приняла постриг с именем *Марфа* и, по-видимому, была погребена в суздальском Покровском монастыре [Антонов, Маштафаров, 2019. С. 404. № 429; ср.: Курганова, 2007. С. 20, 59].

этот элемент антропонимического досье вкладчицы нашей пелены никак не может подкрепить подобную идентификацию.

Разумеется, все вышеизложенное не отменяло бы полностью возможности отождествления Марии Васильевны с пелены «Никола Великорецкий» и Марии, супруги князя Ивана Петровича Шуйского, а лишь делало бы его менее надежным. Однако есть, как уже говорилось, и куда более весомый аргумент, подрывающий эту гипотезу. В полностью сохранившемся именовании вкладчицы по себе и по мужу отсутствует упоминание княжеского титула, что, будь вкладчица княгиней, коренным образом противоречило бы всей традиции самопрезентации во вкладных записях — как тех, что сделаны на предметах, так и тех, что занесены в кормовые книги, синодики и прочие памятники коммеморативного жанра. Опускать подобную помету было решительно не принято.

Отказавшись от такого отождествления, предполагающего, что женщина, вошедшая в род Шуйских, игнорирует свое и мужа княжеское достоинство, можно предложить на роль вкладчицы пелены «Никола Великорецкий» 1555/1556 г. другую кандидатуру, которая, как кажется, снимает все перечисленные сомнения и противоречия.

В интересующий нас период, а точнее говоря, с апреля 1554 г. и вплоть до мая 1556 г. [Зимин, 1964. С. 278; Пашкова, 2000. С. 154], наместником во Пскове был не кто иной, как Иван Петрович Фёдоров-Челяднин, человек весьма именитый и заслуженный, но ни к какому княжескому роду не принадлежавший. Биография его, с одной стороны, выглядит как типическое воплощение Грозненской эпохи, а с другой — являет собой нечто незаурядное и загадочное⁹. Он переживает череду карьерных взлетов, перемежавшихся многозначительными паузами опалы. Иностранцы называли его первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя, он успел побывать на воеводстве во множестве русских городов, поучаствовать в важнейших военных кампаниях, принять несколько посольств, и в конце концов был казнен, а по многочисленным свидетельствам, собственноручно зарезан царем в 1568 г. — по слухам, Иван Грозный обвинил его в намерении захватить власть и самому править страной.

Отдельную загадку являет собой чрезвычайно престижный титул боярина и конюшего, который Иван Петрович носил долгие годы. Достаточно сказать, что до него на какое-то время он был отдан всесильному фавориту вдовствующей великой княгини Елены, несколько лет принадлежал царскому дяде

9 Когда родился Иван Петрович, мы не знаем, но к середине 50-х гг. XVI в. он был, несомненно, человеком вполне зрелым. Наречение его именем *Иван*, судя по вкладным записям, связано с празднованием Рождества Иоанна Предтечи (24 июня) [Шаблова, 2012. С. 128 (л. 213 об.)], который и стал, соответственно, его небесным покровителем. В кормовой книге московского Новоспасского монастыря Ивана Петровича предписывается поминать 10 и 27 февраля [Кормовая книга Новоспасского монастыря, 1903. С. 12 (л. 44 об.), 13 (л. 50)], однако связь этих дат с личной биографией Фёдорова-Челяднина остается под вопросом, поскольку в источнике речь идет о совокупных поминовениях, назначенных сразу по нескольким лицам.

(ее брату) Михаилу Васильевичу Глинскому, а много лет спустя его получил царский шурина Борис Годунов.

Супругой Ивана Петровича была Мария Васильевна, урожденная Челяднина, состоявшая с ним в весьма отдаленном родстве, матримониальному союзу с канонической точки зрения не препятствовавшем. Ее жизнь — на общем фоне скудости наших сведений о женских судьбах XVI столетия — относительно неплохо задокументирована. Мария была родной дочерью боярина и дворецкого Василия Андреевича Челяднина и Аграфены Фёдоровны, урожденной княжны Телепнёвой-Оболенской [табл. 1]. Василий (в крещении *Савин*) Андреевич скончался довольно рано, в конце 1515 г., Аграфена Фёдоровна же, в 1530 г. стала, как известно, «мамкой» новорожденного наследника московского престола, будущего царя Ивана Васильевича¹⁰. Со смертью Василия III ее положение при дворе сделалось еще более выдающимся: согласно показаниям летописных источников, великий князь на смертном одре именно ей завещал не отступать ни на пядь от его малолетнего сына [См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 22 (л. 41–41 об.); ср.: ПСРЛ. Т. IV/1. С. 560; ПСРЛ. Т. 13. С. 415; Т. 29. С. 124]. Родной же брат Аграфены — дядя нашей Марии — князь Иван / Овчина Фёдорович Телепнёв-Оболенский, был знаменитым фаворитом овдовевшей Елены Глинской.

Именно это обстоятельство сыграло трагическую роль в истории всей семьи. Дело не ограничилось тем, что после кончины великой княгини Елены в 1538 г. князя Ивана / Овчину уморили в темнице, а его сестру Аграфену, вынужденную принять постриг с именем *Анастасия*, сослали в Каргополь — подросток Иван Грозный незадолго до своей свадьбы, в начале 1547 г., велел казнить двух молодых князей: сына возлюбленного своей матери, Фёдора Ивановича Телепнёва-Оболенского, и его родича, Ивана Ивановича Дорогобужского. Последний был не кем иным, как внуком царской мамки Аграфены и родным сыном интересующей нас Марии Васильевны Челядниной, которая первым браком была замужем за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским († 1530). Другой ее сын от этого союза — Дмитрий — скончался молодым еще раньше.

Когда именно состоялся второй брак Марии Васильевны с Иваном Петровичем Фёдоровым-Челядниним, мы не знаем, но поначалу все складывалось вполне удачно¹¹. Не исключено, что титул боярина и конюшего достался Ивану

10 Об именах, патрональных святых и генеалогии и просопографии семейства Челяднинных [см. подробнее: Литвина, Успенский, 2024, с указанием литературы].

11 Вполне вероятно, что для Ивана Петровича брак с Марией Васильевной тоже не был первым, однако известия о его предшествующей матримониальной жизни весьма скудны и нуждаются в дополнительном исследовании, если не реконструкции. На сегодняшний день в монастырских книгах удалось обнаружить два глухих свидетельства. Во Вкладной книге Новодевичьего монастыря под 26 августа (память свв. Адриана и Натальи) имеется запись следующего содержания: «память жене Петровича Фёдорова, понахида корм с села Андреевскаго» [Павлов-Сильванский, 1985. С. 209 (л. 412)]. Личные имена супругов пропущены, но публикатор источника уверенно отождествляет мужа с Иваном Петровичем Фёдоровым-Челядниним. Поскольку единственной, определенно

Петровичу как раз благодаря жене, ведь более ни один род на Руси не обладал им на протяжении трех поколений и никто в ту пору не ассоциировался с ним так тесно, как семья Марии Васильевны: в самом деле, боярином и конюшим был ее дед, ее дядя по отцу, а затем и дядя по матери (родной брат Аграфены); позже он перешел к ее единственному кузену, Ивану Ивановичу (в крещении *Сильвестру*, †1541 г.), на котором мужская линия этой ветви Челядниных и пресеклась. Отдаленный родственник Фёдоров-Челяднин как бы подхватывает этот титул, женившись на их наследнице-вдове [табл. 1]¹².

Относительно успешный отрезок жизни, последовавший за вторым замужеством Челядниной, сменился новыми несчастьями — Иван Грозный не только казнил в 1568 г. Ивана Петровича, но и расправился с его домочадцами, так что князь Андрей Курбский [Андрей Курбский, 2015. С. 154, 156 (л. 93)] даже полагал, что наша Мария Васильевна и сама погибла во время этих репрессий. Однако куда более вероятной представляется иная, документально подтвержденная версия произошедшего, согласно которой она, подобно своей матери Аграфене, принуждена была принять постриг и вскоре окончила свои дни в монастыре [Малеин, 1935. С. 57 (л. 15 об.); Козлова, 1997. С. 104–105].

Так или иначе, большую часть 7064 г., которым помечена интересующая нас пелена, эта супружеская чета пребывала в полном благополучии и была самым тесным и непосредственным образом связана со Псковом благодаря тамошнему наместничеству Ивана Петровича, а именование Марии по себе и по

фигурирующей в источниках женой Ивана Петровича оказывается наша Мария Васильевна, в генеалогических ресурсах упоминающуюся здесь его безымянную спутницу без каких-либо комментариев с ней и отождествляли (URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/1943.html> (дата обращения: 10.11.2025)). Однако следует обратить внимание на самую дату поминовения, приуроченную к памяти мученицы Натальи, и сопоставить ее с известием вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря, которые сообщают следующее: «Иван Петрович дал 13 рублей по жене по своей Наталье, и за то даение написана в сенаник» (Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1074. Л. 239) [Алексеев, 2010. С. 60 (л. 124)]. Разумеется, *Иван Петрович* — совсем нередкое сочетание имени и отчества (комментатор 1-й редакции Вкладной книги, А.И. Алексеев с осторожностью предположил, что речь идет о боярине Иване / Хироне Петровиче Яковлеве, казненном в 1571 г. [Алексеев, 2010. С. 79, примеч. 229]; супруга его, однако, известна как Стефанида Фёдоровна Сукина), но нельзя не отметить, что именно наш Иван Петрович Фёдоров-Челяднин как раз так, при помощи одного лишь имени и отчества, с завидной регулярностью обозначается в источниках. Нельзя ли предположить, что в обоих монастырских записях речь идет о поминовении его первой жены — некой Натальи? При этом у Ивана Петровича имела дочь Марфа, скончавшаяся ребенком 23 июня 7060/1552 г. и погребенная в московском Новоспасском монастыре [Кормовая книга Новоспасского монастыря, 1903. С. II], однако кто была ее мать, мы, строго говоря, не знаем.

- 12 В качестве боярина и конюшого Иван Петрович впервые упоминается в летописном источнике в 1546 г. [ПСРЛ. Т. 34. С. 27 (л. 57)], а в Разрядной книге 1574–1605 гг. — в 1547 г., однако, судя по всему, перед нами некий анахронизм. С 1541 по 1547 г. конюшим был дядя Ивана Грозного, Михаил Васильевич Глинский (†1559), которого на короткое время сменил князь Василий Васильевич Чулок Ушатый (†1549), так что, по-видимому, Иван Петрович заступил в должность только в 1549/50 г. [Мельникова, 2000. С. 8–9]. Боярином же он сделался в 1547 г.

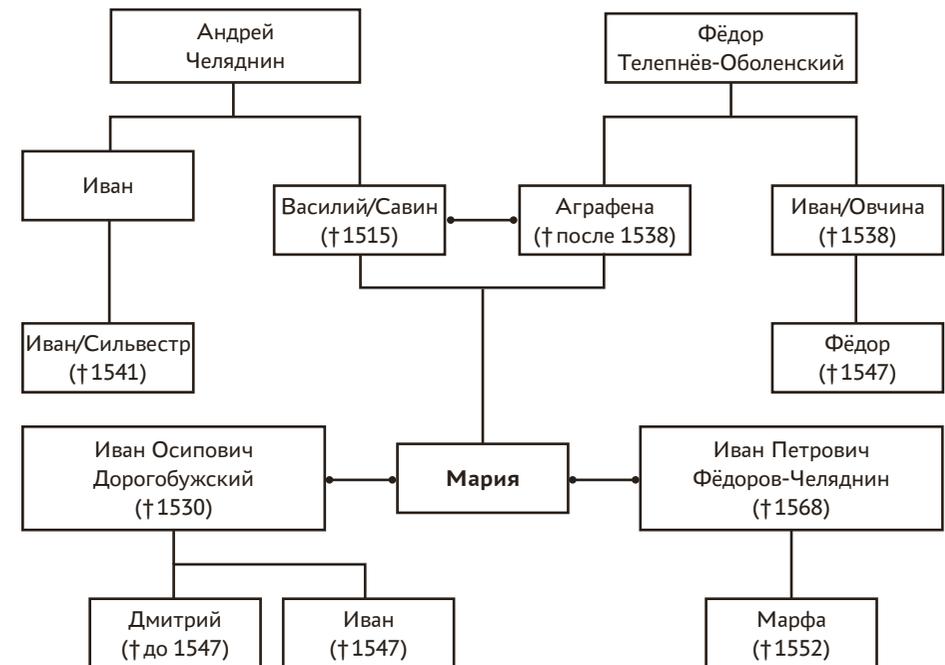

табл. 1 Родственные связи Марии Челядниной

мужу полностью, во всех элементах, совпадает с именованием дарительницы, вышитым на пелене «Никола Великорецкий» из Троицкого собора. Любопытно, что и родительской семье Марии Васильевны Псков был не чужд — в свое время великокняжеским наместником здесь сидел ее дядя, Иван Андреевич Челяднин, старший брат отца.

Более того, в нашем распоряжении есть целый ряд письменных известий, где Мария Васильевна Фёдорова-Челяднина выступает как вкладчица образчиков лицевого шитья. Так, доподлинно известно, что еще до 1545 г., т.е. задолго до казни сына Ивана, она дала вкладом в Иосифо-Волоцкий монастырь «въздух невеликъ»¹³. Как предположила В.А. Меньяло [Меньяло, 1995. С. 21–22], о том же самом предмете сообщается чуть более подробно в следующей монастырской Описи (1572 г.), где сказано, что он был вышит на багровом атласе, имел опушку из разноцветной шелковой камки и нес изображения креста, страстей Христовых «да образ Господень» [Шаблова, 2014. С. 50 (л. 21–21 об.), 135]. По кому

- 13 Очевидно, что к этому времени она еще не вступила во второй брак, поскольку в описи Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. она показана как «кнѣга **Марья Дорогобужскагѡ**» [Георгиевский, 1911. С. 6; Голубцов, 1912. С. 125; Шаблова, 2014. С. 37 (л. 16)]; как «кн(я)г(и)ню **Марию**» знает Марию Челяднину и Синодик 1646 г., принадлежащий этой обители [Безроднов, Корзинин, 2025. С. 39 (л. 84 об.), глава «Род Дорогобужскаго»].

был сделан этот вклад, мы доподлинно не знаем — первого мужа, князя Ивана Осиповича Дорогобужского, Мария Васильевна лишилась, как мы помним, в 1530 г., отца в 1515 г., матери — между 1538 и 1566/1567 гг., а о дате кончины ее сына Дмитрия и вовсе трудно сказать что-то определенное, кроме того, что он умер ранее 1547 г. [табл. 1]

Еще интереснее в нашей перспективе локализация другого вклада Марии Васильевны, который в писцовых книгах представлен следующим образом: «... воздух Положенье во гроб Господа нашего Иисуса Христа на вишневои камке, шит золотом да серебром, приклад Ивановы жены Петровича Фёдорова Марьи...» [Французова, 2002. С. 345]¹⁴.

Дело в том, что этот воздух был отдан в Рождественскую церковь крепости Свияжска — того города, где Иван Петрович сделался воеводой (с мая 1556 г.) непосредственно после своего псковского наместничества¹⁵. Таким образом, у нас появляется возможность убедиться, что у Марии Васильевны было в обыкновении связывать благочестивые пожертвования со служебными перемещениями мужа.

И наконец, есть веские основания полагать, что Марии Челядниной принадлежит еще один вклад лицевого шитья, сделанный в Иосифо-Волоколамский монастырь уже в пору ее чернечества. В самом деле, хотя Андрей Курбский утверждал, что она была убита сразу после гибели Ивана Петровича, на достоверность его свидетельств подобного рода можно положиться не всегда. Согласно Шлихтингу и Гваньини, ее оставили в живых, но принудительно постригли в монахини [Малеин, 1935. С. 57 (л. 15 об.); Козлова, 1997. С. 104–105], и именно такое положение дел запечатлено и в другом, собственно русском и независимом источнике — в синодике ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г., где на одном из листов в сплошном перечне поминаемых над словами «иноку Маремьяноу» записано «Васиѣва до^ч Челяднина» (ОР РГБ. Ф. 304. III № 25. Л. 90)¹⁶.

- 14 Об этом свияжском вкладе Марии Челядниной см. также: [Маханько, 2012 а. С. 71–72; Она же, 2012/1б. С. 100; Маханько, 2024. С. 123–124; Преображенский, в печати]. М.А. Маханько, полагаясь на авторитетный труд С.Б. Веселовского [Веселовский, 1963. С. 128, 463], допускает ошибку и называет Марию Васильевну племянницей Аграфены Челядниной (урожд. Телепнёвой-Оболенской), а не ее дочерью (см.: [табл. 1]).
- 15 Так, уже 21 ноября 1556 г. Иван Петрович в качестве воеводы вкладывает в свияжскую церковь Введения Пресвятой Богородицы небольшую икону Богоматери Владимирской [Известия, 1918. С. 159]. Обратим внимание на самую дату вклада — 21 ноября отмечается Вход Богородицы во храм, т.е. пожертвование новоиспеченного свияжского назначенца несомненно было приурочено к престольному празднику (подробнее об этом вкладе см. также: [Преображенский, в печати]).
- 16 Мария Челяднина была вкладчицей Троице-Сергиева монастыря, однако ее вклады, сделанные в 1563/1564 и в 1566 гг., представляли собой земельные угодья и денежные пожертвования, поэтому мы не останавливаемся на них подробнее [см.: Вкладная книга. С. 125 (л. 474); Кириченко, Николаева, 2008. С. 157 (л. 125 об.), 300, 366 (№ 153)]. Марию Челяднину как иноку Маремьяну упоминают и некоторые синодики Иосифо-Волоколамского монастыря [Безроднов, Корзинин, 2024. С. 206 (л. 49 об.), 260 (л. 41 об.), 523 (л. 15 об.); Они же, 2025. С. 118 (л. 67 об.)].

Эта помета позволяет нам уверенно заключить, что Мария Васильевна до кончины все же успела принять иноческий постриг с именем *Маремьяна* (*Марьямна*), которое полностью подходит ее крестильному имени *Мария*. Весьма соблазнительно в таком случае связать с нею запись из Вкладной книги Иосифо-Волоцкого монастыря, предписывающую поминать «Иванову жену Петровича иноку Маремьяну во вседневномъ списке и в синаникѣ, доколе и манастырь Пречистыя стоит, ис повседневнога списка и из синаника ея не выгладити, а дала на то инока Маремьяна на воздухъ, да вошвы, да круживо, да пелену, а на пеленѣ шито Успение Пречистыя Богородицы, а по полемъ икосы, а цѣна воздуху, да вошвамъ, да круживу, да пеленѣ семнатцать рублевъ, да дватцать рублевъ денегъ» [Титов, 1906. С. 71–72. № 330].

Приведенное свидетельство очень интересно само по себе, так как снабжает нас ценными дополнительными данными о практике и «экономической составляющей» заказа лицевого шитья. Тождество же личностей этой иноки Маремьяны, жены Ивана Петровича, и нашей иноки Маремьяны (Марии), дочери Василия Челяднина и супруги Ивана Петровича Фёдорова-Челяднина, подкрепляется не только впечатляющим совпадением всех именований, но и тем обстоятельством, что Иосифо-Волоколамский монастырь был для Челядниных местом совершенно особенным. Как известно, отцу Марии, Василию Андреевичу Челяднину, непосредственно адресовано одно из посланий самого Иосифа Волоцкого [Зимин, Лурье, 1959. С. 227–228], и едва ли не все члены этой семьи регулярно делали туда пожертвования. Сама Мария Васильевна, как мы видели, уже вкладывала в этот монастырь драгоценное шитье двумя-тремя десятками лет раньше, еще не вступив во второй брак.

Итак, с фигурой Марии Челядниной связан целый комплекс образчиков вышивального искусства, три из которых известны по описаниям, а один — если наша атрибуция псковской пелены «Никола Великорецкий» верна — сохранился до наших дней¹⁷. Подобная «коллекция» ценна еще и потому, что Мария Васильевна оказывается, так сказать, вторым поколением донаторов лицевого шитья в своем роду. Ее мать, Аграфена Фёдоровна, сделавшись в 1530 г. «мамкой» Ивана Грозного, не более года спустя вложила в кремлевский храм Рождества Иоанна Предтечи воздух «Положение во гроб» с избранными праздниками и святыми [ил. 3]¹⁸.

- 17 А.В. Силкин в докладе, прочитанном на конференции «Свияжск в истории и культуре России XVI–XVII веков» в Третьяковской галерее 16 апреля 2018 г., отождествил свияжский воздух Марии Челядниной (о нем см. выше) с воздухом из дореволюционного собрания супругов Б.И. и В.Н. Ханенко, хранящимся в Киевском музее русского искусства (с 2017 г. Национальный музей «Киевская картинная галерея»), отметив, впрочем, сугубую гипотетичность такого отождествления [Силкин, в печати]. При этом исследователь (по-видимому, вслед за С.Б. Веселовским [Веселовский, 1963. С. 128, 463]) ошибочно считает Марию Васильевну племянницей, а не дочерью Аграфены Фёдоровны.
- 18 ГИМ. Инв. 54680 РБ-4554. Об этом предмете см. подробнее: [Маясова, 1983; Литвина, Успенский, 2024. С. 155–163].

3

4

ил.3 Положение во гроб. Воздух Аграфены Челядниной. 1531. ГИМ
ил.4 Дата на псковской пелене «Никола Великорецкий»

Могла ли дочь унаследовать от матери мастерскую художественного шитья, или речь идет только о наследовании вкуса и пристрастия к занятию этим благочестивым искусством? Существовала при ком-то из Челяднинных такая мастерская вообще или мы имеем дело с заказами, исполняемыми на стороне? Если вышивки изготавливались не в домашних стенах, исполнялись ли подобные заказы в Москве или, скорее, в тех краях, куда драгоценные предметы предназначались в качестве вклада?

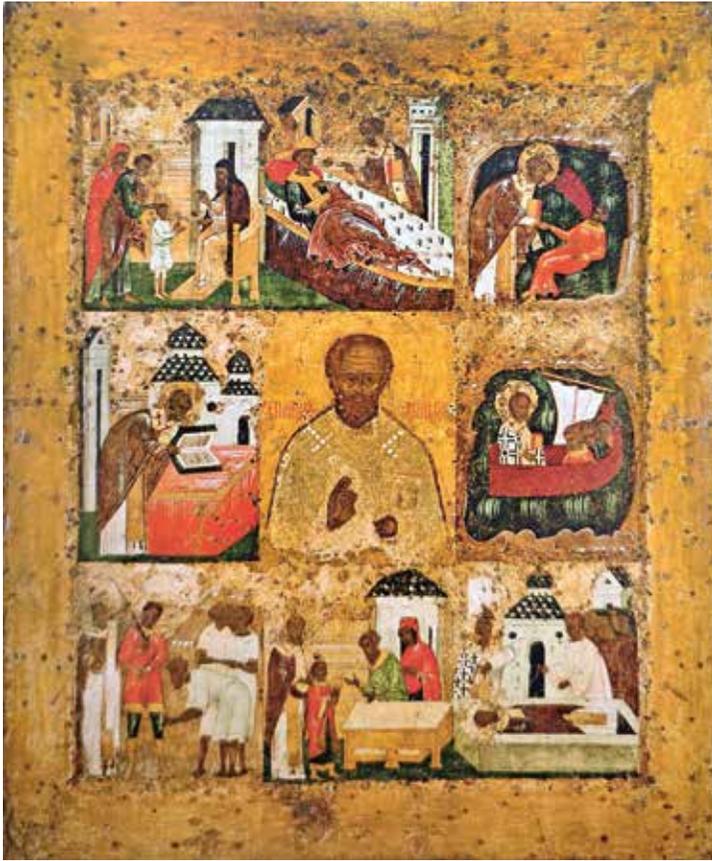
Быть может, псковская пелена позволит хотя бы отчасти приблизиться к ответу на некоторые из этих вопросов — не только потому, что она сохранилась в виде материального объекта, но и благодаря своей датировке. Датированный фрагмент на пелене «Никола Великорецкий» («ЛѢТ *33д <1555/1556> го ... » [ил.4]) читается вполне отчетливо, форма же репрезентации даты весьма типична как для рукописных, так и для вышитых записей о вкладе¹⁹. Перед нами, в сущности, уникальный случай, когда изображение Николы Великорецкого середины XVI столетия несет на себе точную дату создания, да вдобавок дата эта максимально приближена к столь важному событию, как триумфальное путешествие вятского чудотворного образа «Никола Великорецкий» в Москву (1555).

Такого рода хронологическую близость трудно счесть простым совпадением. Казалось бы, присутствие подобной датировки на пелене Марии Челяднинной обеспечивает ей важнейшую роль в истории культа чудотворной иконы, однако налицо очевидная проблема — изображение на среднике нашей пелены совсем непохоже на традиционную иконографию Николы Великорецкого, распространившуюся после пребывания вятского образа в столице. Парадоксальным образом ключ к этому противоречию лежит как раз в детализации временной последовательности событий, а интересующая нас пелена и в самом деле может служить своеобразной вехой в истории культа Николы Великорецкого. Попробуем изложить соответствующие соображения по порядку.

II.

«Новая» иконография Николы Великорецкого, когда святитель изображается оплечно с закрытым кодексом в левой руке, а средник, близкий по форме к квадрату, окружают восемь клейм, примерно равных ему по размеру [Не-

¹⁹ В каталоге выставки «Древнерусское шитье XV — начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея» появляется неверная дата: «7060 = 1552 г.» [Лихачёва, 1980. С. 35], хотя еще В.А. Прохоров расшифровал ее правильно [см.: Пятницкий, 1997. С. 190]. По-видимому, составитель издания воспроизводит ошибочную датировку пелены, содержащуюся в исследовании В.И. Антоновой [Антонова, 1957. С. 385. Рис. 6]. 1552 г. как дата создания пелены присутствует в статье М.А. Маханько [Маханько, 1998. С. 250, примеч. 9], в более поздних своих работах последняя исследовательница указывает 1556 г. [Там же. С. 675]. Та же неверная дата приведена и в статье И.А. Шалиной, причем изображение св. Николы на пелене отнесено к иконографическому типу Николы Можайского [Шалина, 2005. С. 168 (ил. 3), 171].

ил.5 Св. Николай Чудотворец, с житием (Никола Великорецкий) Икона из церкви Св. Николая на Извести в Вологде. Ок. 1556 ВГИАХМЗ

чаева, 2004; Маханько, 2018] [ил.5], обретает популярность немедленно по приезде чудотворной иконы в Москву²⁰. Представление о скорости и широте распространения таких образов дает каталог, составленный О.В. Крупной: более полный, чем предыдущие [См.: Маханько, 1998. С. 249–250, при-

20 История самой иконы «Никола Великорецкий» начинается задолго до этих событий, однако ранний ее период зафиксирован не слишком надежно. Широко известная дата явления Семёну Агалакову иконы св. Николая на реке Великой, в 60 верстах от Хлынова — 1383 г. [Кашменский, 1875. С. 291–294] — представлялась легендарной уже первому исследователю и публикатору «великорецкого корпуса» А.С. Верещагину [Верещагин, 1905. С. 69–76, 294]. Она восходит к Пространной редакции «Сказания о иконе Николая Чудотворца Великорецкого», которая была составлена на основании Краткой по благословию архиепископа вятского Ионы (Баранова) в 1690-е гг. [Романова, 2004. С. 608–610; Она же, 2007; Waugh, 2004. С. 264–265]. Более или менее надежно задокументированы лишь события, происходившие с иконой в XVI–XVII вв. — интересующее нас первое путешествие иконы по рекам до Москвы и обратно и второе ее путешествие в Москву по велению Михаила Фёдоровича в 1614–1615 гг. [Верещагин, 1905. С. 4], история которого выходит за рамки нашего исследования.

меч. 8; Нечаева, 2004. С. 447–451; Дудин, 2007], он насчитывает 52 памятника²¹, большая часть из которых относится ко второй половине XVI в. [Крупина, 2008. С. 190–201], однако и эта цифра не может считаться окончательной²². Данный иконографический тип подразумевал не только сохранение равных размеров средника и клейм, но часто и воспроизведение общих размеров «подлинника» — как правило, точные списки Великорецкого образа составляют около 55–60 × 45–49 см²³.

Как нетрудно убедиться, изображение на нашей пелене, где святитель представлен в полный рост, причем его правая рука поднята в благословляющем жесте, а в левой находится своеобразное олицетворение города — одноглавый храм, окруженный стенами, не имеет, в сущности, ничего общего с этой практикой поясного изображения св. Николая, восходящей к доставленному в Москву чудотворному образу²⁴. Теперь же, когда мы осведомлены о личности заказчика, точный хронометраж событий позволяет убедиться, что близкое сходство между пеленой Марии Челядниной и вятской иконой едва ли вообще было возможно.

В самом деле, пребывание Великорецкой иконы в Москве в 1555 г. хорошо прослеживается по летописным источникам, подробно проиллюстрировано в миниатюрах Лицевого летописного свода [Серебрякова, 2004], а сопоставление с хронологией строительства и освящения собора Покрова на Рву, один из приделов которого стал местом хранения для списка с чудотворного образа,

- 21 Такие иконы сохранились в большинстве крупных региональных собраний: в Вологде [Иконы Вологды, 2007. С. 516–519. Кат. 83], Архангельске [Иконы Русского Севера, 2007. С. 320–325. Кат. 61], Костроме [Костромская икона, 2004. С. 468. Кат. 11], известно несколько псковских списков в частных коллекциях [Манукян, 2022; см.: Нечаева, 2004. С. 442].
- 22 Так, не публиковавшийся прежде Великорецкий образ (НГИАМЗ. Инв. И-58) недавно экспонировался на выставке «Небесный Нижний» и вошел в ее каталог [Небесный Нижний, 2021. С. 262–272. № 271]. Еще одна Великорецкая икона, хранящаяся в собрании И.А. Сысолятина, была опубликована А.С. Преображенским [Россия в ее иконе, 2022, 1. С. 44–45. № 11].
- 23 См.: [Россия в ее иконе, 2022, 1. С. 44; Святитель Николай Чудотворец, 2022. С. 13]. Примеры исключений из этой закономерности см.: [Маханько, 2018. С. 680].
- 24 Не исключено, что самая вятская икона обрела такой вид не сразу. Так, предполагалось, что сначала она не была житийной, и рама с клеймами появилась позднее. Т.Н. Нечаева предложила две версии относительно времени появления рамы: это могло произойти при перенесении образа из села Великорецкого в Хлынов или, согласно второй, более убедительной, на наш взгляд, гипотезе, несколько позднее, в 1521 г. [Нечаева, 2004. С. 442–443]. В 1521 же году она была «обложена»: «... в лето 7029-го при великом князе Василье Ивановиче и при митрополите Варлааме московском в та времена была и обложена чудотворная сия икона» (РНБ. Погод. 935. Л. 8 об.–9) [цит. по: Романова, 2007. С. 38; см.: Верещагин, 1905. С. 96], и перенесена с берегов реки Великой в церковь Прокопия Устюжского в Хлынове около 1550 г., чудесно спаслась в пожаре в 1554 г.: «... потле во едином месте, идеже написано погребение святого тела его» [Верещагин, 1905. С. 41; ср.: Кашменский, 1875. С. 317]. Так или иначе, к моменту путешествия в Москву она имела тот облик с 8 клеймами, практически равными по размеру среднику, который мы описали выше.

позволяет дополнительно уточнить даты некоторых важных эпизодов [Баталов, 2016. С.130–155].

Прибытие в Москву вятских священников и «лутчих людей» А.Л. Баталов относит к зиме 1555 г., поскольку 23 февраля датирована государева грамота для вятского наместника Бориса Ивановича Сукина, согласно которой образ должен быть привезен в Москву²⁵. Икона прибыла 29 июня того же года, в день памяти апп. Петра и Павла, проделав путь по Вятке, Каме, Волге и Оке²⁶. Ее встречали сначала брат царя, Юрий Васильевич, у Николо-Угрешского монастыря, потом и сам Иван IV — у Симонова. Соборное духовенство ожидало ее у Яузского моста, наконец, митрополит Макарий встретил икону у церкви Троицы на Рву²⁷, где от нее «содевахуся многа чудеса» [ПСРЛ. Т.13/1. С.254; см.: Романов, 2011. С.260].

В тот же день митрополит и царь нарекли девятый престол Покровского собора именем чудотворной иконы²⁸, а она сама заняла приготовленное ей место в Успенском соборе в Кремле у юго-восточного столпа, напротив царского моленного места. Позднее сам митрополит Макарий поновил икону и изготовил с нее список в меру и подобие «бѣ бо иконному писанію навичен» [ПСРЛ. Т.13/1. С.254]. Как кажется, это последнее летописное указание можно принять за условную точку отсчета для массового распространения «новой» иконографии Николы Великорецкого.

Месяцем позже, 29 июля, была освящена деревянная церковь в честь Николы Великорецкого рядом со строящимся каменным Покровским собором, — в ней список с иконы находился, «дондеже свершится каменная церковь и с прочими престолы» [Усачёв, 2007. С.56], т.е. до июля 1561 г. Сам чудотворный образ, украшенный новым окладом, был «отпущен» на Вятку 3 августа [Кашменский, 1875. С.327; Верещагин, 1905. С.85–88].

О путешествии Великорецкой иконы в Москву и многочисленных чудесах и исцелениях, от нее происходящих, сообщают даже провинциальные летописи, в том числе псковские²⁹. В Новгороде, а также в Вологодском и Архангельском краях были заложены монастыри в ее честь [Романов, 2011. С.260];

25 Именно в это время деревянный восьмипрестольный Покровский собор был разобран, а на его месте заложен новый — каменный девятипрестольный.

26 См. «Летописец начала царства» [ПСРЛ. Т.13/1. С.254].

27 Именно таким образом исследовательница предложила трактовать формулировку «Сказания» [Нечаева, 2004. С.443] «... при великом князе Василье Ивановиче и при митрополите Варлааме Московском, в та времена и обложена чудотворная сия икона» [Верещагин, 1905. С.14; см. также: Святой Николай Мирликийский, 2006. С.140].

28 По меткому наблюдению А.Л. Баталова, с 1555 г. Хлынов входил в новообразованную Казанскую епархию, чем, по-видимому, отчасти и объясняется включение Никольского престола в программу посвящений собора [Баталов, 2016. С.135–137]. Путешествие иконы, во время которого совершались чудеса и исцеления, в этой парадигме можно трактовать как благословение св. Николаем недавней победы христианства над иноверцами.

29 Например, Псковская III [Псковские летописи, 1955. С.234]. См. также литературу, указанную в статье М.А. Маханько [Маханько, 1997. С.249, примеч.3].

Маханько, 2018. С.681–682]. В Никоновской летописи отдельно отмечено, что с чудотворной иконы в Москве были сделаны многочисленные списки в меру и подобие [ПСРЛ. Т.13/1. С.254]. Создавались они и пока икона возвращалась из Москвы в Вятку через Великий Устюг, т.е. в конце лета и осенью 1555 г. Кажется вполне правдоподобным, что и Псков мог довольно быстро — около 1556 г. — получить свой список с новопрославленной иконы, подобно тому, как это произошло в Вологде³⁰. Во всяком случае, монастырское предание относит к 1556 г. появление такого списка в Псково-Печерском монастыре — его игумен, преподобный Корнилий, ежегодно ездивший в Москву, смог поклониться образу Николы Великорецкого в Успенском соборе Кремля и заказать копию для обители [Маханько, 2018. С.679; Манукян, 2022. С.66]. Так или иначе, вся эта масштабная кампания дала начало «современному» иконографическому типу «Николы Великорецкого».

Что же наша пелена? Говоря о лицевом шитье, необходимо учитывать, что его изготовление требует куда больше времени, нежели копирование иконы. Насколько мы можем судить по тем немногочисленным образчикам, где известны даты начала и окончания подобной работы, она могла занимать около года, а иногда затягивалась и на значительно больший срок. Вклад Марии Челядниной, как помним, датирован 7064 г., т.е. периодом с сентября 1555 по конец августа 1556 г. Кроме того, известно, что май 1556 г. застаёт чету Челядниных уже в Свияжске [Милюков, 1901. С.184], и, как кажется, следует предположить, что вклад в одну из псковских церквей они, скорее всего, сделали до своего отъезда или, в крайнем случае, сразу после, что еще больше сужает предполагаемые хронологические рамки работы над пеленой.

Условно говоря, пелена должна была быть завершена никак не позже апреля 1556 г., а начата приблизительно за год до этого. Распространение же «нового» иконографического типа Николы Великорецкого начинается, как мы помним, с июля — августа 1555 г. Таким образом, когда вышивальщицы приступали к работе, «новый» иконографический тип еще не успел сформироваться и распространиться, так что у мастеров попросту едва ли была возможность его воспроизвести. Зато завершение их труда должно было прийтись на пору бурного расцвета культа вятской чудотворной иконы.

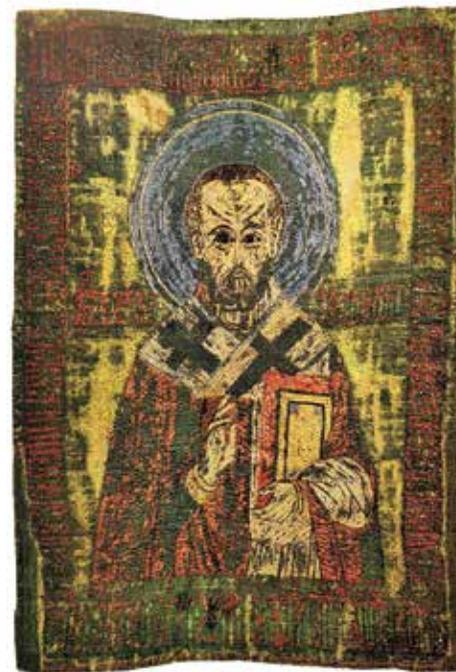
Здесь мы сталкиваемся с некоторой дилеммой. Обстояло ли дело так, что первоначальный замысел пелены не имел прямого отношения к культуре Николы Великорецкого, и лишь под самый конец на нем была вышита надпись, приобщавшая ее к почитанию ставшего столь популярным образа? Или же перед нами последовательная реализация самостоятельного замысла, сложившегося в ту пору, когда прославление иконы уже готовилось, но самый ее облик еще не стал общеизвестным и тиражируемым? Иначе говоря, идет ли речь только

30 Около 1556 г. датируется в каталогах икона из церкви Св. Николая на Извести^[ил.5] [Иконы Вологды, 2007. С.516–519. Кат.83; Крупина, 2008. С.193. №17], поставленной на месте сретения Великорецкой иконы [Кашменский, 1875. С.322].

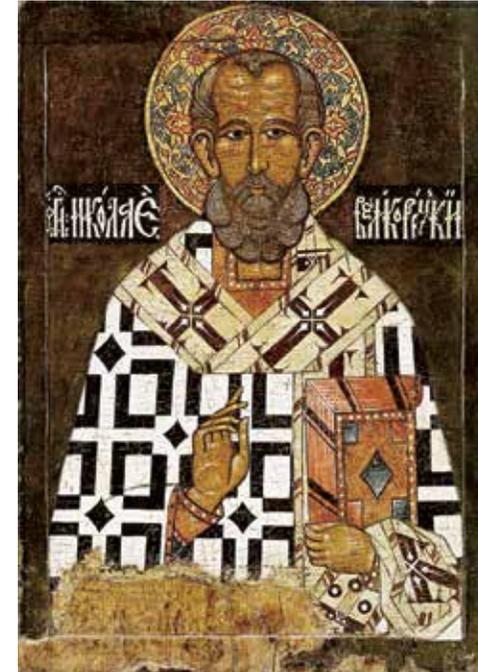
о простой неосведомленности³¹ или об оригинальной, семиотически нагруженной программе?

Едва ли мы сможем разрешить эти вопросы окончательно, однако у нас, как кажется, есть шанс к такому решению подступиться. Прежде всего необходимо оговорить, что не все образы, несущие на себе именуемую надпись «Никола Великорецкий», соответствуют пресловутому «новому» типу, описанному выше³². Существует целый ряд изображений, довольно разнообразных в своем с ним несходстве, с которыми, впрочем, могут быть связаны некоторые затруднения как хронологического, так и «географического» свойства. В самом деле, в том, что культ новообретенной иконы был хорошо известен в разных регионах и до ее путешествия в Москву, сомневаться вроде бы не приходится³³, однако с датировками конкретных материальных свидетельств подобного почитания дело обстоит уже не так просто. Не исключено, что древнейший сохранившийся образ «Николы Великорецкого» — это пелена из личного собрания В.А. Прохорова³⁴ [ил. 6]. Вышитое шелком изображение святителя весьма далеко от описанной выше оплечной фигуры — иконографически оно сходно, скорее, с ранними, в том числе и византийскими, памятниками [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 42–43. № 1]. Здесь святой представлен в архиерейском

- 31 Приблизительно так в свое время В.А. Антонова прокомментировала несходство нашей пелены с вятской чудотворной иконой: по ее предположению, «популярность [св. Николая] привела к тому, что Никола Великорецкий, культ которого по политическим причинам насаждал Грозный, изображается в привычной композиции зарайского прототипа и его можайского варианта» [Антонова, 1957. С. 385]. В качестве аналогии она привела образ св. Николая с избранными святыми на полях [ил. 11], также надписанный «Великорецкий», но при этом не соответствующий распространенному «новому» иконографическому типу (ГТГ. Инв. 12922). Эта икона лишь недавно была впервые опубликована в выставочном каталоге [Святитель Николай Чудотворец, 2022. С. 67. Кат. 29] с датировкой второй половиной XVI в. Существенно, однако, что композиция этой иконы несходна с изображением на пелене: святой представлен с кодексом в левой руке, который покоится на розовом енхерионе. Этот литургический плат, служивший епископу для утирания рук после ритуального омовения во время богослужения, — один из основных элементов иконографии Николы Зарайского [Гладышева, 2005. С. 134–135].
- 32 Более того, вся та обширнейшая группа списков «нового» житийного образа Николы Великорецкого, которая создается во время или сразу после путешествия иконы в Москву, хотя и «сохраняет не только соотношения средника и клейм, но и состав, и иконографию житийных сцен, указывая на единый прототип таких памятников» [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 140], лишь на первый взгляд производит впечатление полного единообразия. В действительности, списки эти уверенно подразделяются на несколько «редакций»: архимандрит Макарий (Веретенников) выделил две [Макарий, 1996. С. 171–174], М.А. Маханько затем уточнила классификацию и выделила три: Вологодскую, Соколицкую и Монастырскую [Маханько, 2015 б. С. 217–240; Она же, 2018. С. 677–681].
- 33 См.: [Манукян, 2022. С. 57]. По крайней мере, уже в жалованной грамоте, данной Иваном Грозным вятчанам Шестаковского городка в 1546 г., упомянуты паломничества к Великорецкой иконе: «Шестаковцы ездят к Николе к Великорецкому молиться» (Жалованная грамота Великого Князя Иоанна Васильевича, на разные преимущества Вятчанам Шестаковского городка [Акты Археографической экспедиции, 1836. Т. I. С. 199]).
- 34 ГРМ. Инв. ДРТ 27, см.: [Лихачёва, 1980. С. 11. № 10; Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 180–181. № 71 (текст Т. Петренко)].

6

7

ил. 6 Св. Николай Великорецкий. Пелена из собрания В.А. Прохорова. Первая половина XVI в. (?) ГРМ
ил. 7 Свт. Николай Чудотворец (Никола Великорецкий). Вологда, конец XVI в. ГТГ

облечении, правой рукой он благословляет предстоящих, а левой поддерживает закрытое Евангелие. Датировки этой пелены варьируются в широком диапазоне второй половины XV — середины XVI в.³⁵

Еще одно изображение «Николы Великорецкого», которое гипотетически может быть отнесено к «ранним» — это икона из собрания «Церковно-археологического кабинета» МДА³⁶, где по сторонам от святителя, иконографически весьма близкого к пелене из собрания Прохорова, добавлены медальоны с Христом и Богородицей, напоминающие о Никейском чуде. Была ли она создана до начала общероссийского почитания чудотворного образа или уже в середине XVI столетия, вопрос открытый, при том, что публикаторы поме-

35 Т.А. Петренко относит пелену к произведениям московских светлиц рубежа XV–XVI вв. [Петренко, 2009. С. 62–64; Она же, 2012. С. 56–58]. В выставочном каталоге [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 180] выбрана наиболее ранняя датировка из всех — вторая половина XV в. Нам представляется более точным мнение А.С. Петрова, который датировал пелену серединой XVI в., точнее, не ранее привоза Великорецкой иконы в Москву [Петров, 2008. С. 124–126]. При этом исследователь специально подчеркивал, что техника вышивальщиц практически не находит аналогий среди памятников того времени, и выделял уникальное исполнение нимба, вышитого голубой и белой нитями.

36 Инв. И 155.

8

9

10

ил. 8 Св. Николай Чудотворец (Никола Можайский). Скульптура. 1540, роспись — 1696. ПГОИАХМЗ. Фото Г.В. Титова, 2025

ил. 9 Св. Николай Чудотворец (Никола Можайский). Скульптура. Конец XIV — начало XV в. Из надвратной церкви Св. Николая Можайского Московского Кремля. ГТГ

ил. 10 Деталь скульптуры Св. Николай Чудотворец (Никола Можайский). 1540 Фото Г.В. Титова, 2025

щают ее среди произведений первой половины XVI в. [Нечаева, 2004. С. 443–444; Манукян, 2022. С. 53–54].

Кроме того, необходимо учитывать, что житийной чудотворная икона стала лишь в какой-то момент (возможно, в 1521 г.), и новые списки, созданные как в Москве, так и в других городах, воспроизводили ее вместе с клеймами. Однако в северо-восточных землях как минимум до конца XVI в. сохранялось почитание древнего образа, не затронутое нововведениями. С подобной консервативной традицией можно предположительно связывать ряд образов св. Николая без клейм, повторяющих, однако, иконографию средника Великорецкой иконы и надписанных соответствующим эпитетом. Таковы, в частности, отдельные памятники, которые относят к вологодскому региону: двусторонняя икона из собрания ВГИАХМЗ [Иконы Вологды, 2007. С. 788–791. Кат. 144], икона из собрания С.А. Ходорковского, примечательная своим житийным циклом [Манукян, 2022], или два образа, хранящиеся в ГТГ [Святитель Николай Чудотворец, 2022. С. 13, 64–65 (№ 26–27)]; последние, помимо всего прочего, гораздо крупнее, чем житийные иконы Николы Великорецкого [ил. 7].

Однако при всей отмеченной здесь гетерогенности «корпуса» изображений, которые несут на себе именующую надпись «Никола Великорецкий», нельзя не обратить внимания, что пелена Марии Челядниной не похожа ни на один из них. Более того, вышитый на этой пелене образ невозможно отнести ни к одному из привычных для Руси иконографических типов: город в руке святителя — черта Николы Можайского, однако благословляющий жест другой руки характерен для Николы Зарайского [Гладышева, 2005; Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 13–23 (текст Н.В. Пивоваровой); Иконы Вологды, 2007. С. 154–161. Кат. 6 (текст Е.В. Гладышевой)]. Еще одна редкая иконографическая особенность пелены — это украшенные драгоценными камнями гривны-цаты на груди святителя.

Объяснения того, почему наша пелена, вышитая на вклад в одну из псковских церквей³⁷, изображает св. Николая именно так, сводятся, как правило, к гипотезе о воспроизведении в лицевом шитье почитаемой деревянной скульптуры, хранившейся на тот момент в Никольской церкви на Гребле

³⁷ Вопрос о месте создания пелены, в отличие от ее иконографии, до сих пор практически не поднимался. Атрибуция Псков со знаком вопроса в каталоге [Святой Николай Мирликийский, 2006. С. 190], по-видимому, была основана только на месте нахождения памятника, при том, что сведения источников о светлицах во Пскове XVI в. до нас не дошли, и некоторые произведения, попавшие в псковские церкви и монастыри благодаря вкладам, признаются созданными в других городах. Отдельные соображения, касающиеся локализации изготовления нашей пелены, высказала М.А. Маханько: «Некоторые детали и приемы псковской пелены близки к произведениям новгородского лицевого шитья 2-й пол. 50-х гг. XVI в., прежде всего к лицевому надгробному покрову свт. Никиты, еп. Новгородского (1558 г., ГРМ) и другим его шитым изображениям» [Маханько, 2018. С. 675]. В действительности, покров свт. Никиты хранится в Новгородском музее (НГОМЗ. Инв. ДРТ-21) [Игнашина, 2003. С. 47. № 21], а его датировка в последнее время была скорректирована в пользу незначительно более поздней [Катасонова, 2010. С. 62].

и упоминающийся в летописи как образ «на рези»³⁸. Эта скульптура [ил. 8] входит в группу резных образов св. Николая, связанных с московскими землями и повторяющих знаменитую статую из Можайска [ил. 9]³⁹.

Сам факт повторения в лицевом шитье иконографии местного произведения, пользовавшегося авторитетом, возможно, особым почитанием, далеко не уникален⁴⁰. Действительно, «фигура святого на пелене 1556 г. повторяет извод деревянной статуи в очертании краев фелони, закручивающихся 3 складками внутрь» [Маханько, 2018. С. 675]. В то же время нетрудно указать и на целый ряд различий пелены с ее гипотетическим прототипом: даже здание с пятью шатрами, которое вложено в руку принесенной во Псков скульптуры [ил. 10], сильно отличается от одноглавой церкви, окруженной крепостными стенами, на пелене⁴¹.

Что еще более существенно, ключевым их различием остается второй атрибут можайской иконографии — меч, которого на шитом образе Челябинной, в отличие от скульптуры, нет. Кроме того, изображение святителя на пелене обладает еще одной приметной деталью. Это не что иное, как роскошная гривна, которая, по всей видимости, отсылает к другой статуе — знаменитой можайской скульптуре (ГТГ), точнее говоря, к тому ее облику, что

- 38 См.: [Петров, 2008. С. 124–126; Маханько, 2015 а. С. 61–63; Она же, 2018. С. 674–675; Манукян, 2022. С. 72–73; Трифонова, 2024. С. 97; Кызласова, Буренкова, Трифонова, 2024. С. 222–226; Ключанова, в печати]. С резным образом св. Николая связана знаменитая история, известная в изложении Псковской I летописи: в 1540 г. накануне Успения Пресвятой Богородицы некие «старцы, переходцы с ыныя земли», принесли в Псков, «святого Николая да святую Параскеву Пятницу на рези в храмах» [ПСРЛ. Т. 3. С. 303]. Лишь вмешательство архиепископа Макария смогло убедить псковичей, непривычных к скульптуре в храмовом пространстве, что почитание новых образов не равно идолопоклонству: «иные невежливые люди поставиша то есть болванное поклоне, и бысть в людех молва и смятение...» [Там же]. Хранящаяся в фондах Псковского музея-заповедника скульптура св. Николая (ПГОИАХМЗ. Инв. КП-2794) [Животворящее Древо, 2006. С. 122–125. № 24] отождествляется с упомянутым в летописи образом «на рези» на основании надписи конца XVII в., которая сохранилась на обороте фелони [Васильева, 1984].
- 39 А.Н. Трифонова, недавно предложившая новую периодизацию для этих памятников, считает скульптуру Псковского музея наиболее поздней из всех, подчеркивая присущую ей остроту психологической характеристики [Трифонова, 2024; см.: Ключанова, в печати].
- 40 Можно привести в пример покров на мощи святителя Ионы Отенского (НГОМЗ. Инв. ДРТ 5, ок. 1549 г.), воспроизводящий, по мнению Е.Ю. Катасоновой [Катасонова, 2020. С. 198–199], ктиторскую фреску из церкви Симеона Богоприимца в Зверинском монастыре (между 1467 и 1472 гг.).
- 41 Приведем здесь, однако, малоизвестное суждение А.И. Некрасова, согласно которому «две боковые (не угловые) башни и средний ящик подозрительны по происхождению и могут относиться к починкам XVII в. <... > Кроме того, самая обработка последних слишком декоративная и дробная, мало похожая на тип угловых и средней башни. Следует признать, что первоначальный храм представлял собою тип пятибашенного прямоугольного здания с куполом над двускатной или даже крестчатой кровлей» [Кызласова, Буренкова, Трифонова, 2024. С. 225].

ил. 11 Свт. Николай Чудотворец, с избранными святыми. Икона Вторая половина XVI в. ГТГ

сложился к середине XVI в., когда цаты уже сделались ее опознаваемым атрибутом⁴². В самом деле, у нас нет никаких данных о том, что псковский Никола «на рези», лишь полтора десятилетия пробывший в городе и ни разу больше не упомянутый в местных источниках, к тому моменту уже мог быть украшен подобным образом. Сочетание града и благословляющего жеста на пелене представляется контаминацией иконографических признаков двух статуй, почитавшихся в Можайском Кремле: условно назовем их «Никола

- 42 Подробное описание статуи сохранилось в Писцовых книгах Можайска 1596–1598 гг.: «да у Николы ж чудотворца в правой руке меч, а в левой руке град Можаяск, обложен серебром, басмян, позолочен; да у Николиного образа прикладу: цата золота, а в ней камень яхонт лазоревый, да 2 жемчужины, да 2 бирюзы, да 2 червца, да цата золота, да 10 цат серебряных басмяны золочены с камнем» [Писцовые книги, 1872. С. 616]. До-революционные описания также отмечают, что статуя была «обложена серебropозлащенной чеканной ризой» и украшена венцом и цатой «из червоного золота» [Петров, 1902. С. 18. Рис. 2]. Детали этого убора хранятся в ГТГ [ГТГ. Каталог, 1995. С. 198, примеч. 1 (текст Г.В. Сидоренко)].

Ратный» и «Никола Мирный»⁴³. Иными словами, обсуждение иконографии пелены Челядниной не может не учитывать псковскую деревянную скульптуру, но еще менее возможно счесть шитое изображение прямой репликой или копированием образца, ею заданного.

Все это, как кажется, свидетельствует о том, что простая неосведомленность мастериц, вышивавших пелену по заказу Челядниной, — это, если так можно выразиться, объяснение верное, но недостаточное: оно не позволяет понять, как возникает изображение, не соответствующее не только вятской чудотворной иконе, но и прочим распространенным на Руси образам святителя Николая. Тем самым версия о целенаправленном воплощении некой собственной новой программы, появление которой было стимулировано возникшим в Москве «проектом» общерусского культа Николая Великорецкого, представляется более предпочтительной⁴⁴. Действительно, кто, как не Челяднины, могли иметь доступ ко всем свежим новостям царского и митрополичьего двора и уже в феврале 1555 г. знать во многих деталях о планах приезда чудотворной иконы в Москву и ее торжественного прославления?

Мы рискнули бы предположить, что Мария Челяднина с ее незаурядным богатством и выделенным общественным статусом, сочетавшимися с семейным пристрастием к лицеземью, обладала достаточным ресурсом как для того, чтобы пожелать внести собственную лепту в становление нового культа,

- 43 А.С. Преображенский первым усмотрел специфическую программу в двух деревянных образах, первый из которых был размещен на вратах, а другой в Никольском соборе Можайска. Соотнеся данные переписных книг конца XVI в. со свидетельством польского иезуита Каспара Савицкого, он предложил трактовать скульптуру с мечом и градом как царский воинский палладиум, а парную с благословляющей десницей и Евангелием — как более раннее произведение, соответствующее традиционному «зарайскому типу» [*Преображенский*, 2012. С. 374–378]. Следует прибавить к этому, что сообщение Псковской I летописи о пожаре 7049 г., наряду с образом св. Параскевы, упоминает не одну, а две скульптуры св. Николая: «...поставиша святого Николу у святого Николы на Гребле, а другую икону поставиша у святого Николы в Песках <...> на утверждение гражданом» [*ПСРЛ*. Т. 3. С. 304]. Поскольку и из двух можайских, и из псковских скульптур сохранилось лишь по одной — обе с мечом и градом, — судить о возможной связи двух пар не приходится.
- 44 При всем том пелена вполне могла быть вложена как украшение для новой иконы — привезенного во Псков списка с прославленного Великорецкого образа. Так, пелены, привешенные к чтимым спискам Великорецкой иконы, известны в Москве, в первую очередь по описям Успенского собора Кремля [*Маханько*, 2018. С. 679]. Кроме того, сохранилась пелена, происходящая из самого Великорецкого придела Покровского собора, впрочем, датируется она в исследованиях по-разному [*Крупина*, 2008. С. 190. № 5; *Маханько*, 2018. С. 677]. Наконец, сам факт расхождения иконографии пелены и иконы, для которой она предназначалась, имеет немало прецедентов. А.С. Петров, изучавший различные «пути вариаций сюжета иконы в шитье пелены», в частности, приводит пример «Спаса Нерукотворного с архангелами Михаилом и Гавриилом» из Покровского монастыря в Суздале (ВСМЗ). Эта пелена, согласно монастырской Описи 1597 г., предназначалась для иконы Нерукотворного образа, на которой, судя по описанию, архангельские фигуры отсутствовали [*Петров*, 2010. С. 78]. К иконам Богоматери могли подвешивать пелену с изображением Богородичного праздника и наоборот и т.д. и т.п. [Там же].

так и для того, чтобы воплотить подобный замысел. В подобной перспективе (особенно если учесть, что следующий вклад лицевого шитья был сделан, как мы помним, в Свяжске) вполне вероятно, что Мария Васильевна не отдавала заказ «на сторону», но располагала собственной мастерской, сопровождавшей ее в служебных перемещениях мужа.

Разумеется, верификация подобного рода гипотез, как и версии сугубо псковского, исключительно новгородского или непосредственно московского происхождения, требует дальнейшего анализа художественных и технических средств исполнения этого образчика лицевого шитья.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М.: Фонд Связь эпох, 2019. 461 с. (Акты Российского государства. Т. III)
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб.: Тип. 2 отд. собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 1: 1294–1598. XV, 491 с.
- Алексеев А.И.* Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // *Вестник церковной истории*. 2010. № 3/4 (19/20). С. 17–117.
- Андрей Курбский.* История о делах великого князя Московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев; отв. ред. Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 2015. 942 с.
- Антонова В.И.* Московская икона начала XIV в. и «Повесть о Николле Зарайском» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 375–392.
- Алехтин В.Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. Краткий исторический очерк. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. 22 с.
- Баталов А.Л.* Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. М.: Лингва-Ф, 2016. 458 с.
- Безроднов В.С., Корзинин А.Л.* Иосифо-Волоколамский монастырь: Синодики, вкладные и кормовые книги XVI — середины XVII века. Т. I. М., 2024. 585 с.
- Безроднов В.С., Корзинин А.Л.* Иосифо-Волоколамский монастырь: Синодики, вкладные и кормовые книги XVI — середины XVII века. Т. III. М., 2025. 420 с.
- Васильева О.А.* Деревянная скульптура из собрания Псковского музея // *ПКНО*. Ежегодник за 1982. Л.: Наука, 1984. С. 258–262.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 539 с.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Гваньини А.* Описание Московии / Пер. с лат., введ. ст. и коммент. Г.Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 172 с.
- Гладышева Е.В.* К вопросу об иконографии Николая Зарайского // *Иконы Русского Севера*. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы. М.: Северный паломник, 2005. С. 122–140.
- Голубцов А.П.* Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1912.
- Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б. Французова. М.: Древлехранилище, 2002. 469 с.
- Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т.1: Древнерусское искусство X — начала XV века / Авт.-сост. Э.К. Гусева. М.: Красная площадь, 1995.

Древнерусское шитье XV — начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея: кат. выст. / Авт.-сост. Л.Д. Лихачёва. Л.: ГРМ, 1980. 135 с.

Дудин А. Списки Великолукской иконы святителя Николая Чудотворца. Проблемы составления каталога // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М.: М-Сканрус, 2007. С. 104–110.

«Животворящее Древо». Русская деревянная скульптура с древнейших времен до XX века. Милан: Electa; Vanca Intesa, 2006. 180 с.

Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.

Игнашина Е.В. Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород: Моби Дик, 2003. 128 с.

Известия государственной российской Археологической комиссии. Вып. 66. Пг.: Девятая гос. тип., 1918. (Вопросы реставрации, вып. 19).

Изымов А.Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576–1694 (7084–7203) гг. // ЧОИДР. 1917. Кн. II. Отд. 1: Материалы исторические. С. 1–102.

Иконы Вологды XIV–XVI веков. М.: Северный паломник, 2007. 823 с. (Древнерусская живопись в музеях России).

Иконы Русского Севера. Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств: в 2 т. М.: Северный паломник, 2007. 501 с.; 479 с.

Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В.И. Корецкого; подг. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М.: Ин-т истории СССР, 1985. 210 с.

Каталог Музея древнерусского искусства / Сост. В. Прохоров. СПб., 1879. 69 с.

Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского лицевого шитья конца 1540–1560-х гг. // Убрус. Церковное шитье: история и современность. СПб., 2010. Вып. 13–14. С. 46–89.

Катасонова Е.Ю. Атрибуция покровы Варлаама Хутынского 1541 г. из Псковского музея // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 8: Средневековая литургическая традиция и музыкальная культура Новгорода Великого. Сб. ст. по материалам науч.-творческого симпозиума «Бражниковские чтения», 2019 г. СПб.; Саратов, 2020. С. 189–199.

Кашменский С., прот. О чудотворной Великолукской иконе Святителя и Чудотворца Николая // Вятские епархиальные ведомости. 1875. № 9. С. 286–294; № 10. С. 311–327; № 11. С. 359–371; № 12. С. 379–393; № 16. С. 495–510; № 17. С. 523–538; 1876. № 9. С. 256–262.

Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Исследования и публикация / Отв. ред. С.М. Каштанов. М.: Индрик, 2008. 519 с.

Клюканова О.В. Резное изображение Николая Чудотворца («Можайского») из собрания Русского музея // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2019. № 2. С. 128–139.

Клюканова О.В. Пелена «Никола Великолукский» 1556 г. Вопросы иконографии // Древнерусское шитье: История и традиция. Великий Устюг, в печати.

Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / Публ. И.П. Сахарова // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. СПб.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1851. Т. I. Отд. 3. С. 46–89.

Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. VIII, 28 с.

Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подг. текстов и исследование Т.И. Шабловой. СПб.: Реноме, 2012. 402 с.

Костромская икона XIII–XIX веков / Авт.-сост. Н.И. Комашко, С.С. Каткова. М.: Гранд-Холдинг, 2004. 668 с.

Крупина О.В. Великолукская икона Святителя Николая Чудотворца: древний образ и его списки // Великолукская Икона Святителя Николая: история и современность. Вятка: НП «Изд-во Буквица», 2008. С. 163–201.

Курганова Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2007. 119 с.

Кызласова И.Л., Буренкова Е.В., Трифонова А.Н. А.И. Некрасов. Статуя Николы Можайского. 1950 // Новгородский архивный вестник. 2024. № 20. С. 195–264.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядницей и ее семейства // Slověne. 2024. Т. XIII, № 2. С. 48–81.

Манукян А.М. Святитель Николай Мирликийский (Великолукский), с 16-ю клеймами жития из собрания С.А. Ходорковского // Псковская икона «Святитель Николай Мирликийский (Великолукский), с 16-ю клеймами жития» из собрания С.А. Ходорковского: Шедевр живописи XVI столетия. М.: Музей русской иконы, 2022. С. 49–76.

Маханько М.А. Первые ктитории церкви Свяжска по материалам писцовых описаний 1565–1568 гг. // Свяжские чтения: сб. докл. конф. Вып. III. Свяжск: Свяжский Богородице-Успенский монастырь, 2012 а. С. 63–78.

Маханько М.А. Художественное убранство храмов Свяжска по данным письменных источников и произведениям изобразительного искусства // Свяжские чтения: сб. докл. конф. Вып. III. Свяжск, 2012 б. С. 79–107.

Маханько М.А. Чтимые иконы святителя Николая Чудотворца на реке Великой: От Пскова до Вятки // Обретение святых — 2014: сб. материалов VI Межрегиональной церковно-науч. конф. Киров [Вятка], 18–19 октября 2014 года. Киров, 2015 а. С. 89–96.

Маханько М.А. Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М: БуксМАрт, 2015 б. 351 с.

Маханько М.А. Икона св. Николы Великолукского в коллекции Амброзиано Венето и почитание чудотворного образа в XVI в. // ПКНО. Ежегодник за 1997. М.: Наука, 1998. С. 240–251.

Маханько М.А. Великолукская икона в Пскове. Великолукская Вятская (Никола Великолукский) икона // Православная энциклопедия. Т. 50. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. С. 674–685.

Маханько М.А. Памятники лицевого шитья Казани и Свяжска как исторические источники грозненской эпохи // I Маясовские чтения. Церковное шитье: История и современность. Сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. (Гос. Русский музей, 10–11 октября 2019 г.) / Сост. и науч. ред. Е.Ю. Катасонова. СПб., 2024. С. 123–131.

Маясова Н.А. Памятник шитья московской великокняжеской светлицы XV века // Гос. музей Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. III: Искусство Москвы периода формирования русского централизованного государства. М., 1980. С. 56–75.

Мельникова О.Б. Конюшие бояре в XVI веке // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры: материалы науч. конф. 1991 г. Вып. II. М., 2000. С. 4–15.

Меняйло В.А. Художественное шитье в храмах Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI века // Древнерусское художественное шитье. М.: Авангард, 1995. (Музеи московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. X). С. 14–25.

Милюков П. [Н.]. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. 314 с.

Небесный Нижний. Святые и святые Нижегородской области: каталог выставки / Сост. Н.И. Комашко. Нижний Новгород, 2021. 587 с.

Нечаева Т.Н. Иконография Великолукского образа свт. Николая Чудотворца в русской иконописи XVI в. // «Правило веры и образ кротости»: Образ свт. Николая, архиеп. Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 439–455.

- Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А.И. Малеина. 4-е изд., доп. и испр. Л.: Изд-во и тип. изд-ва АН СССР, 1935. 97 с.
- Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 (7053) года // *Георгиевский В.Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб.: Комиссия попечительства о русской иконописи, 1911. С. 1–23 (2-я паг.)
- Пашкова Т.И.* Местное управление в русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 214 с.
- Петренко Т.А.* Произведения древнерусского прикладного искусства из коллекции В.А. Прохорова в Русском музее // Коллекции и коллекционеры: сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей, Санкт-Петербург, 2008) / ред. Н. Мельник. СПб.: Palace Editions, 2009. С. 56–69.
- Петренко Т.А.* Памятники древнерусского шитья из собрания В.А. Прохорова // Страницы истории отечественного искусства. К 75-летию со дня рождения Л.Д. Лихачёвой. СПб.: Palace Editions, 2012. С. 56–64.
- Петров А.С.* Древнерусские шитые пелены под иконы. XV–XVI вв. Типология, функция, иконография: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2008. 177 с.
- Петров А.С.* Шитый образ под иконой. Изображения на подвесных пеленах // Церковное шитьё в Древней Руси: сб. ст. М.: Галарт, 2010. С. 69–81.
- Петров Н.И.* Резные изображения св. Николая Можайского и историческая судьба их // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1902. Т. II. С. 137–145.
- Пивоварова Н.В.* Изучение древнерусского шитья в Русском музее в 1920–1930-е гг. // Древнерусское шитьё: История и традиция. Великий Устюг, в печати.
- Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н.В. Калачова. Ч. I: Писцовые книги XVI века. Отд. I: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб.: Изд. Императорского русского географического общества, 1872. 924 с.
- Повести о Великоорецкой иконе святителя Николая: Памятники вятской письменности XVII–XVIII века / Изд. А.С. В[ерещаги]н. Вятка: Губернская тип., 1905.
- Покровский Н.В.* Заметки о памятниках псковской церковной старины. М.: Журнал «Светильник», 1914. 39 с.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.
- Преображенский А.С.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI — начало XVI века. М.: Северный паломник, 2012. 542 с.
- Преображенский А.С.* Иконы и фрески Свяжска: Новые факты и гипотезы // Свяжск в истории и культуре России XVI–XVII веков. В печати.
- Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XXXVIII, 686 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, Александро-Невская летопись, Лебедевская летопись. М.: Знак, 2009. 389 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Пятницкий Ю.А.* Псковские древности в музее древнерусского искусства Академии Художеств в Петербурге // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. СПб.; Псков, 1997. Т. 2. С. 189–191.

- Романов Г.А.* Крестные ходы в честь святителя Николая // Добрый кормчий: почитание святителя Николая в христианском мире / Сост. А.В. Бугаевский. М.: Скинния, 2011. С. 252–279.
- Романова А.А.* Сказание о иконе Николая Чудотворца Великоорецкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т–Я. Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 608–611.
- Романова А.А.* Рукописная традиция «Повести о Великоорецкой иконе Чудотворца Николая» // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М.: М–Сканрус, 2007. С. 37–41.
- Россия в ее иконе. Неизвестные произведения XV — начала XX века из собрания Игоря Сысолятина: кат. выст. В 2 т. / Сост. А.С. Преображенский. М., 2022. 352 с.; 360 с.
- Святитель Николай Чудотворец: иконы XIII–XX веков / Сост. Е.М. Саенкова, С.Н. Татарченко. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2022. 131 с.
- Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб.: Palace edition, 2006. 247 с.
- Серебрякова Е.И.* Цикл миниатюр Лицевого летописного свода о принесении в Москву чудотворной великорецкой иконы святителя Николая Великоорецкого // «Правило веры и образ кротости»: Образ свт. Николая, архиеп. Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 456–476.
- Силкин А.В.* Казанские и свияжские плащаницы середины XVI века // Свяжск в истории и культуре России XVI–XVII веков. В печати.
- Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену императорского русского археологического общества И.А. Вахромееву. Вып. V. М.: Изд. И.А. Вахрамеева, 1906. 519 с.
- Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / Подг. текстов и публ. Т.И. Шабловой. СПб.: Реноме, 2014. 190 с.
- Трифонов А.Н.* Скульптура «Никола Можайский» второй четверти XVI века из собрания Государственного Исторического музея // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2024. № 1. С. 88–102.
- Усачёв А.С.* Житие митрополита Ионы третьей редакции // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 5–60.
- Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/1586 г. / Подг. текста С.Н. Богатырёва. М.: Археографический центр, 1996. 187 с.
- Шалина И.А.* Икона «Св. Николай Можайский в житии» середины XVI века из Национального музея Стокгольма: Художественные особенности и символические мотивы иконографии // Искусство христианского мира. Вып. 9. М., 2005. С. 166–183.
- Шалина И.А.* История создания отделения христианских древностей Русского музея Имп. Александра III (History of the department of Christian antiquities Russian Museum of Emperor Alexander III) // ГТГ. История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства. М.: ИНИКО, 2012. С. 309–344.
- Waugh D.C.* Religion and Regional Identities: the Case of Viatka and the Miracle-Working Icon of St. Nicholas Velikoretskii // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 259–278.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Пелена «Никола Великорецкий» из Троицкого собора во Пскове: опыт новой атрибуции

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвина Анна Феликсовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотики Школы филологических наук факультета

гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066. annalitivina@gmail.com

Титов Георгий Викторович — магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, исторический факультет, Москва, Российская Федерация, 119991. titovgosha2003@gmail.com

Успенский Фёдор Борисович — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова, РАН, ул. Волжонка, д. 18/2, Москва, Российская Федерация, 119019. fjodor.uspenskiy@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе предлагается новая идентификация вкладчицы пелены «Никола Великорецкий» (ГРМ), происходящей из Троицкого собора во Пскове и датированной 7064 (1555/1556) г. На основании эпиграфического анализа вкладной надписи и просопографических данных делается вывод о том, кем была вкладчица. Предлагаемая идентификация позволяет отклонить гипотезу о причастности к изготовлению псковской пелены княгини Шуйской и по-новому взглянуть на судьбу одного из близких к великокняжескому дому родов.

Особое внимание уделяется иконографии святителя Николая на пелене. Устанавливается, что шитый образ не воспроизводит сколько-нибудь буквально ни житийный Великорецкий тип, утвердившийся после торжественного принесения новопрославленной иконы в Москву весной–летом 1555 г., ни псковские скульптурные образы, а представляет собой оригинальный синтез, в котором прослеживаются черты иконографии как Николы Можайского (город в руке святителя), так и Николы Зарайского (благословляющий жест другой его руки). Отмечается, что пелена могла быть изготовлена до начала массового тиражирования вятской иконы, в контексте первого этапа формирования соответствующего культа, сведения о котором заказчица могла получать из первых рук. Работа уточняет провенанс памятника, пересматривает вопрос о хронологии и географии распространения культа Николы Великорецкого и обозначает направления дальнейшего исследования художественно-технических особенностей нескольких образчиков лицевого шитья.

Ключевые слова

Пелена, лицевое шитье, Никола Великорецкий, Никола Можайский, Псков, Фёдоровы-Челяднины, просопография, иконография, XVI век.

TITLE

The “Nikola Velikoretsky” veil from the Trinity Cathedral in Pskov: an attempt at a new attribution

AUTHORS

Litvina, Anna Felixovna — Ph. D, Leading researcher, National Research University Higher School of Economics, Staraja Basmannaia Ulitsa, 21/4, 105066 Moscow, Russian Federation. annalitivina@gmail.com

Titov, Georgii Viktorovich — Master Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. titovgosha2003@gmail.com

Uspenskii, Fiodor Borisovich — Full Doctor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka, 18/2, 119019 Moscow, Russian Federation. fjodor.uspenskiy@gmail.com

ABSTRACT

This article proposes a new identification of the donor of the veil St. Nicholas (“Velikoretsky”) (State Russian Museum), which originated from the Trinity Cathedral in Pskov and is dated 7064 (1555/1556). Epigraphic and prosopographical analysis reveals the identity of the donor. The proposed identification allows us to reject the hypothesis that Princess Shuiskaya was involved in the making of the veil and to reconsider the history of a family closely connected to the grand-princely house.

Particular attention is paid to the iconography of St Nicholas on the veil. It is shown that the embroidered image does not literally reproduce either the hagiographic Velikoretsky type that became established after the solemn transfer of the newly glorified icon to Moscow in the spring and summer of 1555, or the Pskov sculptural prototypes. Rather, it represents an original synthesis combining features of both St Nicholas (“Mozhaysky”) — the city in the saint’s hand — and St Nicholas (“Zaraysky”) — the blessing gesture of his other hand. It is noted that the veil may have been produced before the mass replication of the “Velikoretsky” icon, at an early stage in the formation of its cult. The donor might have had access to firsthand information about this new veneration.

The study refines the provenance of the object, revises the chronology and geography of the spread of the cult of St Nicholas (“Velikoretsky”), and outlines directions for further research into the artistic and technical characteristics of several examples of pictorial embroidery.

KEYWORDS

Veil, pictorial embroidery, St Nicholas (“Velikoretsky”), St Nicholas (“Mozhaysky”), Pskov, Fedorov–Chelyadnin family, prosopography, iconography, 16th century.

REFERENCES

- Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossijskoj imperii Arheograficheskoj ekspeditsii Imperatorskoj Akademii nauk (Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences). Saint Petersburg, Tip. 2 otdeleniia Sobstvennoj E.I.V. kantseliarii Publ., 1836, vol. 1: 1294–1598. XV, 491 p. (in Russian).
- Alekseev A.I. The First Version of the Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1560s). *Vestnik tserkovnoj istorii (Herald of Church History)*, 2010, no. 3/4 (19/20), pp. 17–117 (in Russian).
- Antonov A.V., Mashtafarov A.V. (comps.). *Akty Pokrovskogo suzdaľskogo devich’ego monastyria XVI – nachala XVII veka (Acts of the Pokrovsky Nunnery in Suzdal of the 16th – Early 17th Century)*. Moscow, Fond Sviaz’ epokh Publ., 2019. 461 p. (in Russian).
- Antonova V.I. Moscow Icon of the beginning of the 17th century from Kiev and the “Tale of St. Nicholas Zaraisky”. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature)*, 1957, vol. 13, pp. 375–392 (in Russian).
- Apukhtin V.R. *Pskovo-Pecherskij Uspenskij monastyr’ i ego vkladnaia kniga 1558 g.: Kratkij istoricheskij ocherk (The Pskov-Pechery Dormition Monastery and Its Donation Book of 1558: A Brief Historical Essay)*. Moscow, Istoriko-rodoslovnoe obshchestvo v Moskve Publ., 1914. 22 p. (in Russian).
- Batalov A.L. *Sobor Pokrova Bogoroditsy na Rvu: istoriia i ikonografiia arkhitektury (The Cathedral of the Intercession of the Virgin on the Moat: History and Iconography of the Architecture)*. Moscow, Lingva-F Publ., 2016. 458 p. (in Russian).
- Bezrodnov V.S., Korzinin A.L. *Iosifo-Volokolamskij monastyr’: Sinodiki, vkladnye i kormovye knigi XVI – serediny XVII veka (The Joseph-Volokolamsk Monastery: Synodika, Donation and Feeding Books of the 16th – Mid-17th Centuries)*. Moscow, 2024, vol. 1. 585 p. (in Russian).

Bezrodnov V.S., Korzinin A.L. *Iosifo-Volokolamskij monastyr': Sinodiki, vkladnye i kormovye knigi XVI — serediny XVII veka (The Joseph-Volokolamsk Monastery: Synodika, Donation and Feed Books of the 16th — Mid-17th Centuries)*. Moscow, 2025, vol. II. 420 p. (in Russian).

Bogatyriova S.N. (ed.). *Khoziaistvennye knigi Chudova monastyria 1585/1586 g. (Account Books of the Chudov Monastery of 1585/1586)*. Moscow, 1996. 187 p. (in Russian).

Drevnerusskoe shit'e XV — nachala XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeia: Katalog vystavki (Old Russian Embroidery of the 15th — Early 18th Centuries in the Collection of the State Russian Museum: Exh. Cat.) / Comp. L.D. Likhachiova. Leningrad, 1980. 135 p. (in Russian).

Dudin A. Copies of the Velikoretsk Icon of St. Nicholas the Wonderworker. Problems of Cataloguing. *Pochitanie sviatitelia Nikolaia Chudotvortsa i ego otrazhenie v fol'klore, pis'mennosti i iskusstve (Veneration of St. Nicholas the Wonderworker and Its Reflection in Folklore, Literature and Art)*. Moscow, M-Skanrus Publ., 2007, pp. 104–110 (in Russian).

Frantsuzova E.B. *Goroda Rossii XVI veka: Materialy pistsovykh opisaniy (Cities of Russia in the 16th Century: Materials from Cadastral Descriptions)*. Moscow, 2002. 469 p. (In Russian).

Gladysheva E.V. On the Iconography of St. Nicholas of Zarsk. *Ikony Russkogo Severa. Dvinskaiia zemlia, Onega, Kargopol'e, Pomor'e. Stat'i i materialy (Icons of the Russian North: Dvina Land, Onega, Kargopolye, Pomorie: articles and materials)*. Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2005, pp. 122–140 (in Russian).

Golubtsov A.P. *Sbornik statej po liturgike i tserkovnoj arkheologii (Collection of Articles on Liturgics and Church Archaeology)*. Sergiev Posad, Tipografii Sviato-Troitskoj Sergievoj Lavry Publ., 1912. 310 p. (in Russian).

Guseva E.K. (comp.). *Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia. Katalog sobraniia, vol. 1: Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV veka (State Tretyakov Gallery. Catalogue of the Collection, vol. 1: Old Russian Art of the 10th — Early 15th Century)*. Moscow, Krasnaia ploshchad' Publ., 1995. 350 p. (in Russian).

Gvan'ini A. *Opisanie Moskovii (Description of Muscovy)* / Transl. from Italian, introd. and comment. by G.G. Kozlova. Moscow, 1997. 172 p. (in Russian).

Ignashina E.V. *Drevnerusskoe litsevoe i ornamental'noe shit'e v sobranii Novgorodskogo muzeia: Katalog (Old Russian Figural and Ornamental Embroidery in the Collection of the Novgorod Museum: Catalogue)*. Velikii Novgorod, Moby Dik Publ., 2003. 128 p. (in Russian).

Ikony Russkogo Severa. Shedevry drevnerusskoj zhivopisi Arkhangel'skogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv: v 2 t. (Icons of the Russian North. Masterpieces of Old Russian Painting from the Arkhangelsk Museum of Fine Arts: in 2 vols.). Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2007, vol. 1. 501 p. Vol. 2. 479 p. (in Russian).

Ikony Vologdy XIV–XVI vekov (Icons of Vologda of the 14th–16th Centuries). Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2007. 823 p. (in Russian).

Inventory of the Joseph-Volokolamsk Monastery of 1545 (7053). *Freski Ferapontova monastyria (The Frescoes of the Ferapontov Monastery)*. Saint Petersburg, Komitet popechitel'stva o russkoj ikonopisi Publ., 1911, pp. 1–23 (in Russian).

Izvestiia gosudarstvennoj rossijskoj Arkheologicheskoi komissii. Vyp. 66 (Proceedings of the State Russian Archaeological Commission, vol. 66). Petrograd, Deviatia gosudarstvennaia tipografii Publ., 1918. 250 p. (in Russian).

Iziumov A.F. The Donation Books of the Antoniev Siiskii Monastery. 1576–1694 [7084–7203]. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh (Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities)*. 1917, book II, section 1: Historical Materials, pp. 1–102 (in Russian).

Kalachov N.V. (ed.). *Pistsovyie knigi Moskovskogo gosudarstva. Ch. I. Pistsovyie knigi XVI veka. Otd. I. Mestnosti gubernij Moskovskoj, Vladimirskoj i Kostromskoj (Cadastral Books of the Muscovite State, part I. Cadastral Books of the 16th Century. Section I.*

Localities of the Moscow, Vladimir, and Kostroma Provinces). Saint Petersburg, Izdanie Imperatorskago russkago geograficheskago obshchestva Publ., 1872. 924 p. (in Russian).

Kashmenskii S., prot. On the Miraculous Velikoretsk Icon of St Nicholas the Wonderworker. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti (Vyatka Diocesan Bulletin)*. 1875, no. 9, pp. 286–294; no. 10, pp. 311–327; no. 11, pp. 359–371; no. 12, pp. 379–393; no. 16, pp. 495–510; no. 17, pp. 523–538; 1876, no. 9, pp. 256–262 (in Russian).

Katasonova E.Iu. A Group of Monuments of Novgorod Embroidered Icons from the Late 1540s–1560s. *Tserkovnoe shit'e: istoriia i sovremennost' (Ubrys. Church Embroidery: History and Modernity)*. Saint Petersburg, 2010, iss. 13–14, pp. 46–89 (in Russian).

Katasonova E.Iu. Attribution of the 1541 Cover of St Varlaam of Khutyn from the Pskov Museum. *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni. Vyp. 8. Srednevekovaia liturgicheskaia traditsiia i muzykal'naia kul'tura Novgoroda Velikogo (Old Russian Chant. Paths Through Time, iss. 8. The Medieval Liturgical Tradition and Musical Culture of Great Novgorod)*. Saint Petersburg; Saratov, 2020, pp. 189–199 (in Russian).

Kirichenko L.A., Nikolaeva S.V. *Kormovaia kniga Troitse-Sergieva monastyria 1674 g. (The Feed Book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674)* / Ed. by S.M. Kashtanov. Moscow, 2008. 519 p. (in Russian).

Klitina E.N., Manushina T.N., Nikolaeva T.V. (eds.); Rybakov B.A. (ed.). *Vkladnaia kniga Troitse-Sergieva monastyria (The Donation Book of the Trinity Lavra of St. Sergius)*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 439 p. (in Russian).

Kliukanova O.V. The Carved Image of St Nicholas “of Mozhaisk” from the Collection of the Russian Museum). *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva (Bulletin of the Department of Old Russian Art)*, 2019, no. 2, pp. 128–139 (in Russian).

Kliukanova O.V. The Veil of St Nicholas (“Velikoretsky”) of 1556: The Questions of Iconography. *Drevnerusskoe shit'e: istoriia i traditsiia (Old Russian Embroidery: History and Tradition)*. Velikii Ustiug. In print (in Russian).

Komashko N.I. (comp.). *Nebesnyj Nizhnij. Sviatye i sviatyni Nizhegorodskoj oblasti: katalog vystavki (Heavenly Nizhny. Saints and Shrines of the Nizhny Novgorod Region: Exhibition Catalog)*. Nizhny Novgorod, 2021. 587p. (in Russian).

Koretskij V.I., Pavlov-Silvanskij V.B. (eds.). *Istochniki po social'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria (Sources on the Socioeconomic History of Russia in the 16th–18th Centuries. From the Archives of the Moscow Novodevichy Convent)*. Moscow, In-t istorii SSSR Publ., 1985. 210 p. (In Russian).

Kormovaia kniga Moskovskogo stavropigial'nogo Novospasskogo monastyria (The Feeding Book of the Moscow Stavropegial Novospasskii Monastery). Moscow, 1903. VIII, 28 p. (in Russian).

Kostromskaia ikona XIII–XIX vekov (The Kostroma Icon from the 13th to the 19th Centuries) / Comp. N.I. Komashko, S.S. Katkova. Moscow, 2004. 668 p. (in Russian).

Krupina O.V. The Icon of St Nicholas (“Velikoretsky”): The Ancient Image and Its Replicas. *Velikoretskaia ikona Sviatitelia Nikolaia: istoriia i sovremennost' (The Icon of St Nicholas (“Velikoretsky”): History and Modernity)*. Viatka [Kirov], 2008, pp. 163–201 (in Russian).

Kurbsky A. *Istoriia o delakh velikogo kniazia Moskovskogo (History of the Deeds of the Grand Prince of Moscow)* / Ed. K.Iu. Ierusalimskij; transl. A.A. Alekseev; ed. in chief Iu.D. Rykov. Moscow, Nauka Publ., 2015. 942 p. (in Russian).

Kurganova N.M. *Stranitsy istorii nekropolia goroda Suzdalia (Pages from the History of the Necropolis of the City of Suzdal')*. Moscow, Otdel vneshnikh tserkovnykh sviazej Moskovskogo Patriarkhata Publ., 2007. 119 p. (in Russian).

Kyzlasova I.L., Burenkova E.V., Trifonova A.N. Alexander Nekrasov. The Statue of Nicholas of Mozhaisk. 1950. *Novgorodskij arkhivnyj vestnik (Novgorod Archival Bulletin)*. 2024, no. 20, pp. 195–264 (in Russian).

Litvina A.F., Uspenskii F.B. *A Sister — A Wife — A Widow: The Phenomenon of Agrafena Cheliadnina and Her Family*. Slovene, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 48–81 (in Russian).

Makhan'ko M.A. The Icon of St Nicholas ("Velikoretsky") in the Ambrosiano Veneto Collection and the Veneration of the Miraculous Image in the Sixteenth Century. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia (Cultural Monuments. New Discoveries)*, 1997. Moscow, 1998, pp. 240–251 (in Russian).

Makhan'ko M.A. The First Donors of the Churches of Sviyazhsk According to Land Survey Descriptions of 1565–1568. *Sviiazhskie chteniia. Sbornik dokladov konferentsii. Sviiazhsk (Sviyazhsk readings. Collection of conference reports)*, iss. III. Sviiazhsk, 2012 a, pp. 63–78 (in Russian).

Makhan'ko M.A. Artistic Decoration of Sviyazhsk Churches Based on Written Sources and Works of Fine Art. *Sviiazhskie chteniia: Sbornik dokladov konferentsii. Vyp. III (Sviyazhsk Readings: Conference Papers Collection, iss. III)*. Sviiazhsk, 2012 b, pp. 79–107 (in Russian).

Makhan'ko M.A. Venerated Icons of St. Nicholas the Wonderworker on the Velikaya River: From Pskov to Vyatka. *Obretenie sviatykh – 2014: Sbornik materialov VI Mezhtseobnoy cerkovno-nauchnoy konferentsii. g. Kirov [Vyatka], 18–19 oktiabria 2014 goda (Finding of Saints – 2014: Collection of Materials of the VI Interregional Church-Scientific Conference. Kirov [Vyatka], October 18–19, 2014)*. Kirov, 2015 a, pp. 89–96 (in Russian).

Makhan'ko M.A. *Pochitanie i sobiranie drevnikh ikon v istorii i kul'ture Moskovskoy Rusi XVI veka (Veneration and Collection of Ancient Icons in the History and Culture of 16th-Century Muscovite Rus')*. Moscow, BuksMArt Publ., 2015b. 351 p. (In Russian).

Makhan'ko M.A. The Velikoretskaya Icon in Pskov. The Velikoretskaya Vyatka (Nikola Velikoretsky) Icon. *Pravoslavnaia enciklopediia. T. 50 (Orthodox Encyclopedia, vol. 50)*. Moscow, Cerkovno-nauchnyj centr "Pravoslavnaia enciklopediia" Publ., 2018, pp. 674–685 (in Russian).

Makhan'ko M.A. Monuments of façade embroidery in Kazan and Sviyazhsk as historical sources of the Grozny era. *I Maiasovskie chteniia. Cerkovnoe shit'e: Istoriia i sovremennost'. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferentsii (Gosudarstvennyj Russkij muzej, 10–11 oktiabria 2019 g.) (The 1st Mayasov Readings. Church embroidery: History and modernity. A collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference (State Russian Museum, October 10–11, 2019))*, ed. by E. Yu. Katasonova. Saint Petersburg, 2024, pp. 123–131 (in Russian).

Manukian A.M. St Nicholas (Velikoretsky), with 16 Scenes of His Life from the Collection of S.A. Khodorkovsky. *Pskovskaia ikona "Sviatitel' Nikolaj Mirliikijskij (Velikoretskij), s 16-iu klejmami zhit'ia" iz sobraniia S.A. Khodorkovskogo: Shedevr zhivopisi XVI stolet'ia (The Pskov Icon "St Nicholas (Velikoretsky), with 16 Scenes of His Life" from the Collection of S.A. Khodorkovsky: A Masterpiece of Sixteenth-Century Painting)*. Moscow, 2022, pp. 49–76 (in Russian).

Maysova N.A. An Embroidery Monument from the Moscow Grand Duke's Svetlitsa of the 15th Century. *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia. Vyp. III: Iskusstvo Moskvy perioda formirovaniia russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (The State Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research, iss. III: Moscow Art during the Formation of the Russian Centralized State)*. Moscow, 1980, pp. 56–75 (in Russian).

Mel'nikova O.B. Equestrian Boyars in the 16th Century. *Problemy izucheniia pamiatnikov dukhovnoj i material'noj kul'tury: Materialy nauchnoj konferentsii 1991 g. Vyp. II (Issues of Studying Monuments of Spiritual and Material Culture: Proceedings of the 1991 Scientific Conference, iss. II)*. Moscow, 2000, pp. 4–15 (in Russian).

Menjajlo V.A. Artistic Embroidery in the Churches of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the First Half of the 16th Century. *Drevnerusskoe khudozhestvennoe shit'e (Old Russian Artistic Embroidery)*. Moscow, Avangard Publ., 1995. (Moscow Kremlin Museums: Materials and Research, vol. X), pp. 14–25 (in Russian).

Miliukov P.[N.]. *Drevnejshaia razriadnaia kniga oftsial'noj redaktsii (po 1565 g.) (The Oldest Official Rank Book (up to 1565))*. Moscow, 1901. 314 p. (in Russian).

Nasonov N.A. (ed.). *Pskovskie letopisi. Vyp. 2. (Pskov Chronicles, iss. 2)*. Moscow, Izd. AN SSSR Publ., 1955. 364 p. (in Russian).

Nechayeva T.N. Iconography of the Velikoretsky Icon of St. Nicholas the Wonderworker in Russian Iconography of the 16th Century. «Pravilo very i obraz krotosti»: *Obraz svt. Nikolaia, arhiep. Mirlikijskogo, v vizantijskoj i slavianskoj agiografii, gimnografii i ikonografii ("The Rule of Faith and the Image of Meekness": The Image of St. Nicholas, Archbishop of Myra, in Byzantine and Slavic Hagiography, Hymnography, and Iconography)*. Moscow, 2004, pp. 439–455 (in Russian).

Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. "Skazanie" Al'berta Shlikhtinga (A New Account of Russia in the Time of Ivan the Terrible: "The Tale" by Albert Schlichting) / Transl., ed., and comm. by A.I. Malein. 4th ed. Leningrad, 1935. 97 p. (in Russian).

Pashkova T.I. *Mestnoe upravlenie v russkom gosudarstve pervoj poloviny XVI veka: Namestniki i volosteli (Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century: Governors and Volost Governors)*. Moscow, Drevlehranilishhe Publ., 2000. 214 p. (In Russian).

Petrenko T.A. Monuments of Old Russian Embroidery from the V.A. Prokhorov Collection. *Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva. K 75-let'iu so dnia rozhdeniia L.D. Likhachevoje (Pages from the History of Russian Art. On the 75th Anniversary of L.D. Likhacheva's Birth)*. Saint Petersburg, Palace Editions Publ., 2012, pp. 56–64 (in Russian).

Petrenko T.A. Works of Old Russian Applied Art from the V.A. Prokhorov Collection in the Russian Museum. *Kollektsii i kolleksionery: sbornik statej po materialam nauchnoj konferentsii (Russkij muzej, Sankt-Peterburg, 2008) (Collections and Collectors: A Collection of Articles Based on the Materials of a Scientific Conference (Russian Museum, St. Petersburg, 2008))*, ed. by N. Melnik. Saint Petersburg, Palace Editions Publ., 2009, pp. 56–69 (in Russian).

Petrov A.S. *Drevnerusskie shitye peleny pod ikony. XV–XVI vv. Tipologiya, funktsiia, ikonografiia (Old Russian Embroidered Icon Coverings. 15th–16th Centuries. Typology, Function, and Iconography)*. PhD of Art History Thesis. Moscow, 2008. 177 p. (in Russian).

Petrov A.S. Embroidered Image under an Icon. Images on Hanging Icon Coverings. *Tserkovnoe shit'e v Drevnej Rusi. Sbornik statej (Church Embroidery in Ancient Rus. A Collection of Articles)*. Moscow, Galart Publ., 2010, pp. 69–81 (in Russian).

Petrov N.I. Carved Images of St. Nicholas of Mozhaisk and Their Historical Fate. *Trudy XI Arheologicheskogo s"ezda v Kieve 1899 g. (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kyiv, 1899)*. Moscow, Pechatnia A.I. Snegiriovoj Publ., 1902, vol. II, pp. 137–145 (in Russian).

Pivovarova N.V. The Study of Old Russian Embroidery in the Russian Museum in the 1920s–1930s. *Drevnerusskoe shit'e: Istoriia i traditsiia (Old Russian Embroidery: History and Tradition)*. Veliky Ustiug, in print (in Russian).

Pokrovsky N.V. *Zametki o pamiatnikakh pskovskoj tserkovnoj stariny (Notes on the Monuments of Pskov Church Antiquity)*. Moscow, Zhurnal "Svetil'nik" Publ., 1914. 39 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 4, ch. 1: Novgorodskaia chetvertaia letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 4, part 1: The Novgorod Fourth Chronicle). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. XXXVIII, 686 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 13: Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'iu (Prodolzhenie) (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 13: The Chronicle Collection, Also Known as the Patriarchal or Nikon Chronicle (Continued)). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 532 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 29: Letopisets nachala tsarstva tsaria i velikogo kniazia Ivana Vasil'evicha, Aleksandro-Nevskaia letopis', Lebedevskaia letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 29: The Chronicle of the Beginning of the Reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich, the Alexander Nevsky Chronicle, and the Lebedev Chronicle). Moscow, Znack Publ., 2009. 389 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 34: Postnikovskij, Piskariovskij, Moskovskij i Bel'skij letopisty (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 34: The Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky, and Belsky Chroniclers). Moscow, Nauka Publ., 1978. 304 p. (in Russian).

Povesti o Velikoretskoj ikone sviatitelja Nikolaia: Pamiatniki viatskoj pis'mennosti XVII–XVIII veka (Tales of the Velikoretsk Icon of St. Nicholas: Monuments of Vyatka Writing of the 17th–18th Centuries). Viatka, Gubernskaia tipografiia Publ., 1905. 190 p. (in Russian).

Preobrazhensky A.S. *Ktitorskie portrety srednevekovoj Rusi. XI – nachalo XVI veka (Donor Portraits in Medieval Russia. 11th – early 16th centuries)*. Moscow, Severnyj Palomnik Publ., 2012. 542 p. (in Russian).

Preobrazhensky A.S. (comp.). *Rossii v ee ikone. Neizvestnye proizvedeniia XV – nachala XX veka iz sobraniia Igoria Sysoliatina. Katalog vystavki: V 2 t. (Russia in Its Icons. Unknown Works of the 15th – Early 20th Centuries from the Igor Sysolyatin Collection. Exhibition Catalogue, in 2 vols.)*. Moscow, 2022. 352 p.; 360 p. (in Russian).

Preobrazhensky A.S. *Icons and Frescoes of Sviyazhsk: New Facts and Hypotheses. Sviiazhsk v istorii i kul'ture Rossii XVI–XVII vekov (Sviyazhsk in the History and Culture of Russia in the 16th–17th Centuries)*. In print (in Russian).

Prokhorov V. (comp.). *Katalog Muzeia drevnerusskogo iskusstva (Catalogue of the Museum of Old Russian Art)*. Saint Petersburg, 1879. 69 p. (in Russian).

Piatnitsky Yu.A. *Pskov Antiquities in the Museum of Old Russian Art of the Academy of Arts in St. Petersburg. Pamiatniki stariny. Konceptsi. Otkrytiia. Versii. Pamiati Vasiliia Dmitrievicha Beletskogo, 1919–1997 (Monuments of Antiquity. Concepts. Discoveries. Versions. In Memory of Vasily Dmitrievich Beletsky, 1919–1997)*. Saint Petersburg, Pskov, 1997, vol. 2, pp. 189–191 (in Russian).

Romanov G.A. *Religious Processions in Honor of St. Nicholas. Dobryj kormchij: pochitanie Sviatitelja Nikolaia v khristianskom mire (The Good Helmsman: The Veneration of St. Nicholas in the Christian World)*, comp. by A.V. Bugaevsky. Moscow, Skiniia Publ., 2011, pp. 252–279 (in Russian).

Romanova A.A. *The Manuscript Tradition of “The Tale of the Velikoretsky Icon of St. Nicholas the Wonderworker”. Pochitanie sviatitelja Nikolaia Chudotvortsia i ego otrazhenie v fol'klore, pis'mennosti i iskusstve (The Veneration of St. Nicholas the Wonderworker and Its Reflection in Folklore, Writing, and Art)*. Moscow, M-Skanrus Publ., 2007. Pp. 37–41 (in Russian).

Romanova A.A. *The Tale of the Icon of St. Nicholas the Wonderworker of Velikoretsky. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3: XVII v. Ch. 4: T–Ia. Dopolneniia (Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus, vol. 3: 17th Century, part 4: T–Ya. Supplements)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2004, pp. 608–611 (in Russian).

Saenkova E.M., Tatarchenko S.N. (comp.). *Sviatitel' Nikolaj Chudotvorets: ikony XIII–XX vekov (Saint Nicholas the Wonderworker: Icons of the 13th–20th Centuries)*. Moscow, Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia Publ., 2022. 131 p. (in Russian).

Sakharov I.P. (publ.). *The Feed Book of the Kirillo-Belozersky Monastery. Zapiski Otdeleniia russkoj i slavianskoj arheologii imperatorskogo Arheologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Archaeological Society)*. Saint Petersburg, Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1851, vol. 1, sect. 3, pp. 46–89 (in Russian).

Serebryakova E.I. *Cycle of Miniatures from the Illustrated Chronicle on the Bringing to Moscow of the Miraculous Velikoretsky Icon of Saint Nicholas of Myra. «Pravilo very i obraz krotosti»: Obraz svt. Nikolaia, arhiiep. Mirlikijskogo, v vizantijskoj i slavianskoj agiografii, gimnografii i ikonografii (“The Rule of Faith and the Image of Meekness”: The Image of Saint Nicholas, Archbishop of Myra, in Byzantine and Slavic Hagiography, Hymnography, and Iconography)*. Moscow, 2004, pp. 456–476 (in Russian).

Shablova T.I. (ed.). *Kormovoe pominovanie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh. Publikatsiia: Sinodichnoe predislovie; Kniga kormovaia; Sinodik*

kormovoj (The Commemoration of the Feast of the Dead in the Assumption Kirillo-Belozersky Monastery in the 16th–17th Centuries. Publication: Synodical Preface; The Book of Feasts; The Synodicon of Feasts). Saint Petersburg, Renome Publ., 2012. 402 p. (in Russian).

Shablova T.I. (ed.). *Tri opisi Iosifo-Volokolamskogo monastyria XVI v. (Three Inventories of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 16th Century)*. Saint Petersburg, Renome Publ., 2014. 190 p. (in Russian).

Shalina I.A. *History of the Department of Christian Antiquities of the Russian Museum of Emperor Alexander III. GTG. Istoriia sobiraniia, khraneniia i restavratsii pamiatnikov drevnerusskogo iskusstva (State Tretyakov Gallery. History of the Collection, Storage, and Restoration of Monuments of Ancient Russian Art)*. Moscow, INIKO Publ., 2012, pp. 309–344 (in Russian).

Shalina I. A. *The Icon “St. Nicholas of Mozhaïsk in His Life” from the Mid-16th Century from the National Museum of Stockholm: Artistic Features and Symbolic Motifs of the Iconography. Iskusstvo khristianskogo mira. Vyp. 9 (The Art of the Christian World, iss. 9)*. Moscow, 2005, pp. 166–183 (in Russian).

Silkin A.V. *Kazan and Sviyazhsk Shrouds of the Mid-16th Century. Sviiazhsk v istorii i kul'ture Rossii XVI–XVII vekov (Sviyazhsk in the History and Culture of Russia in the 16th–17th Centuries)*. In print (in Russian).

Sviatoj Nikolaj Mirlikijskij v proizvedeniakh XII–XIX stoletij iz sobraniia Russkogo muzeia (Saint Nicholas of Myra in Works of the 12th–19th Centuries from the Collection of the Russian Museum). Saint Petersburg, Palace Editions Publ., 2006. 247 p. (in Russian).

Titov A.A. *Rukopisi slavianskie i russkie, prinadlezhashchie dejstvitel'nomu chлену imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshchestva I. A. Vakhromeevu. Vyp. V (Slavic and Russian manuscripts belonging to the full member of the Imperial Russian Archaeological Society I. A. Vakhromeev, iss. V)*. Moscow, Izd. I.A. Vahrameev Publ., 1906. 519 p. (in Russian).

Trifonova A.N. *Sculpture “Nikolai Mozhaïsk” of the second quarter of the 16th century from the collection of the State Historical Museum. Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva (Bulletin of the Russian Medieval Art Department)*, 2024, no. 1, pp. 88–102 (in Russian).

Usachiov A.S. *Life of Metropolitan Jonah, third edition. Vestnik tserkovnoj istorii (Bulletin of Church History)*, 2007, no. 2, pp. 5–60 (in Russian).

Vasil'eva O.A. *Wooden Sculpture from the Collection of the Pskov Museum. Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik (Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology. Yearbook)*, 1984, pp. 258–262 (in Russian).

Veselovskii S.B. *Issledovaniia po istorii oprichniny (Studies on the History of the Oprichnina)*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963. 539 p. (in Russian).

Waugh D.C. *Religion and Regional Identities: the Case of Vyatka and the Miracle-Working Icon of St. Nicholas Velikoretsky. Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen*. Wiesbaden, 2004. S. 259–278.

“Zhivotvoriashchee Drevo”. Russkaia dereviannaia skul'ptura s drevnejshikh vremen do XX veka (“The Life-Giving Tree”. Russian Wooden Sculpture from the Earliest Times to the 20th Century). Milan, Electa; Banca Intesa Publ., 2006. 180 p. (in Russian).

Zimin A.A. *Oprichnina Ivana Groznogo (The Oprichnina of Ivan the Terrible)*. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 535 p. (in Russian).

Zimin A.A., Lur'e Ia.S. (eds.). *Poslaniia Iosifa Volotskogo (Epistles of Joseph of Volokolamsk)*. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 390 p. (in Russian).